

Оливия ШТЕРН

ПАНГЕЯ

ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ!

16+

Оливия Штерн
Пангея приветствует тебя!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Штерн О.

Пангея приветствует тебя! / О. Штерн — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Он получил свободу, о которой не мог мечтать. Она стала бесправной рабыней. Он вспомнил то, чего никогда не знал. Она лишилась прежних знаний, став беспомощным осколком самой себя. Что ждет их, потерявшихся в бескрайнем неприветливом мире, который не должен существовать? Жизнь, смерть, любовь или... безграничная власть? Тем более, что все происходящее складывается в интригующую мозаику чьего-то грандиозного плана...

Содержание

Глава 1. Уннар	5
Глава 2. Тана	13
Глава 3. Рион	20
Глава 4. Уннар	30
Глава 5. Тана	42
Глава 6. Рион	51
Глава 7. Тана	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Уннар

Это межлуние выдалось особенно знойным на рубежах Зу-Ханн. Опаленная, выпитая солнцем степь не знала жалости. Не хватало воды. Слепни и вовсе жизни не давали – ни скотине, ни людям. Отчаянно хотелось прохлады, осенних туманов и дождей.

Впрочем – Уннар-заш был в это уверен – осень окажется не лучше лета. Не зной, так промозглый холод. Не засуха – так затяжные ливни, обращающие землю в чавкающую жирную грязь, в которой снова будут вязнуть и кони, и люди.

Тоска.

Прикрываясь ладонью от палящего солнца, всматриваясь в горизонт до изматывающей рези в глазах, Уннар-заш ожидал возвращения разведчиков. Вышколенный конь застыл извоянием. И мысли текли неторопливо, как и дни на рубежах: еще вчера ты единокровный по отцу брат Повелителя, а сегодня, опороченный и всеми преданный, выслан подальше от столицы и вынужден во главе отряда хранить покой империи. Был Уннар-даланн, стал Уннар-заш, всеми презираемый изгнанник. Смешно и горько одновременно.

Он продолжал вглядываться в размытую в знойном мареве линию горизонта. Хоть и степь, но на подходе к Гиблым Радугам следует проявлять осторожность. Уж сколько раз гибли люди, наткнувшись на прозрачную и, казалось бы, такую тонкую радужную пленку. Да и визары, будь они неладны, могут появиться неожиданно-негаданно, а всем известно, что убить визара невозможно – как невозможно убить бесплотный дух.

...Наконец вдалеке замаячили две черные точки. Приближаясь, они постепенно вытягивались, принимая форму всадников, один из которых – Уннар-заш подобрался в седле – вез тело человека, перекинутое через седло. Судя по тому, как безжизненно болталась коротко остриженная голова несчастного, степь в который раз собрала кровавую дань.

И вот уже мертвец на иссушенной зноем земле, раскинул тонкие белые руки. Глаза закрыты, на губах коричневая корка запекшейся крови.

– Мой ланр, – они обращаются к Уннар-зашу точно так же, как если бы он по-прежнему оставался единокровным братом Повелителя, – мы нашли ее неподалеку от колодца Костей. Вроде, еще жива.

Тут разведчик, не удержавшись, бросил жадный взгляд в сторону находки, а Уннар-заш, миг спешившись, склонился над телом. Женщина! Только этой беды не хватало, учитывая, что этих самых женщин отряд не видел уже больше месяца.

Он несколько мгновений рассматривал находку, а потом – словно молния прошла от макушки до самых пяток. Не просто женщина...

Глянул исподлобья на мнущегося рядом разведчика.

– Если ты хоть пальцем ее тронул, убью.

Риэду, молодой парень, ухмыльнулся.

– Мой ланр, я просто привез ее тебе, – пожал плечами, – она почти мертва... Но я счел, что тебе может быть интересно взглянуть. У нее странный цвет волос, я никогда такого не встречал.

– Заслужил награду. Вернемся, распорядусь...

Время ускорило свой бег. Стоя на коленях перед неподвижным телом, Уннар-заш быстро ощупывал тонкие руки, живот, грудь, шею – пытаюсь определить, насколько опасны раны женщины. Да, Риэду был прав. И насчет того, что цвет волос у нее странный – густой синий, словно лазурит, и насчет того, что она была едва жива. Разумеется, Риэду, выросший в хижине скотовода, никогда ничего подобного не видел. А он, Уннар-заш, видел когда-то, всего раз в жизни – но зато теперь знал, как ему повезло. Вернее, как *повезет*, если женщина выживет.

– Ставьте тент, – обронил Уннар-заш, – живо. Солнце ей вредно. Каждому по золотому в честь сегодняшнего события.

Вокруг столпились воины. Уннар-заш спиной чувствовал их удивленные взгляды, они перешептывались, но не смели спрашивать. Кто-то уже вбивал в сухую землю колья, еще немного – и он сможет перенести свое сокровище в тень.

Между тем результаты беглого осмотра казались Уннар-зашу весьма обнадеживающими. Открытых ран он не заметил, переломов – тоже. Скорее всего, женщина попросту ослабла от голода и жажды, а степь всегда поглощала слабых, чтобы весной взрастить из лона своего малахитовое море.

Уннар-заш осторожно перенес женщину под натянутый тент, коротко приказал:

– Воды.

И начал осторожно, по капле, вливать живительную влагу в приоткрытые губы.

– Ну, давай, давай, – бормотал он, – ты должна ожить. Ты должна вернуть мне все, что я потерял. Давай же...

Его внимание привлек маленький свежий шрам на внутренней стороне ее предплечья, как будто кто-то специально сделал небольшой надрез, а потом аккуратно его зашил. Уннар-заш потрогал шрам и с удивлением почувствовал, что там, под кожей, что-то есть. Маленький жесткий стерженек длиной с ноготь большого пальца.

«Потом, – сказал он себе, – все это потом».

Однако женщина не торопилась придти в себя. Дыхание оставалось частым и неглубоким, тонкие руки лежали безвольно на одеяле.

– А ну, все отойдите! – рявкнул Уннар-заш.

Возможно, он упустил нечто важное, то, что незаметно на первый взгляд? Быстро дернул за узкий ворот одеяния женщины, надеясь разорвать его – застежки не было видно. Ворот подался легко, разошелся ровно посередине, и на белой коже блеснул тонкий шнурок. Уннар-заш подумал – серебро, бездумно пропустил шнур меж пальцев, достал медальон.

«Все после», – напомнил он себе.

И, отчаявшись – а отчасти понадеявшись на везение – отвесил своей обретенной надежде хлесткую пощечину. Одну, вторую, третью.

Тело судорожно дернулось под руками, и она открыла глаза.

В этот миг Уннар-зашу почудилось, что весь мир вокруг – и великая степь, и хрустальный небесный купол, и застывшие в напряженном ожидании его верные воины – все сжалось в горошину и мгновенно утонуло в переливчатых женских глазах.

Он выругался в сердцах, будучи не в силах оторваться от этого явленного духами чуда. Никогда, никогда не рождалось в степи подобных людей – с ярко-синими волосами и глазами, не имеющими цвета. Радужки неведомо как попавшей в степь женщины казались абсолютно белыми, с темно-серыми ободками по краю, но при этом переливались всеми цветами радуги словно бриллиант под лучами солнца.

Женщина моргнула, непонимающе уставившись на Уннар-заша. Оглядела с ног до головы, и ему не очень понравился взгляд – резал как ножом, почти проникая под кожу, с хрустом вспарывая сознание. Мимолетная улыбка тронула уголки бледных, растрескавшихся губ. А Уннар-заш вдруг подумал, что та, единственная тонкая женщина, которую он видел, этой и в подметки не годилась. Брату наверняка понравится, он ведь любит таких вот, с норовом, их всегда приятней ломать, наслаждаясь собственной безграничной властью и безнаказанностью.

Да и – великие духи! – кто посмеет перечить самому владыке Степи?!!

«Она привыкла повелевать? Что ж, тем хуже для нее».

Уннар-заш молча протянул женщине флягу с водой, та приняла ее и начала жадно пить, поглядывая на воина из-под иссиня-черных ресниц. А Уннар-заш отчего-то пожалел, что не заглянул в ее медальон. Нет, конечно же, он мог сделать это в любой момент, но... вдруг сму-

тился под пристальным взглядом этих бриллиантовых глаз. И одновременно – странное, не поддающееся объяснению удовлетворение.

«Огонь-баба. Брат оценит, обязательно оценит...»

Ну, а что дальше?

Он понимал, что женщина явилась из-за Гиблых Радуг. Из страны, неведомой и враждебной, где все люди обладают такой вот белой кожей и тонкими, непрочными костями. Точно так же он знал, что преподнесет ее в дар Повелителю, и тот простит своего кровного брата. Тонкие женщины ценились дороже золота, ибо несравненно владели искусством любовных утех и, к несчастью, были недолговечными цветами гарема Повелителя. Умирили в первых же родах. Однажды Повелителю уже привозили такую же, тонкую и бледную. Она прожила всего год и погибла в муках, так и не разродившись. Младенца достали, но он тоже оказался слишком слаб, чтобы выжить.

– Я отвезу тебя Повелителю, – сказал тихо Уннар-заш, – и снова стану Уннар-даланном, ближайшим советником и кровным братом. А ты станешь Ан-далемм, любимой его наложницей и розой Хеттра.

Она подавилась водой, отняла флягу ото рта. А затем тихо спросила на ломаном языке империи Зу-Ханн:

– Что... такое Хеттр?

– В твоей стране говорят на языке империи? – Уннар-заш не стал скрывать удивления, – воистину, Зу-Ханн охватила весь мир!

– В моей... стране? – внезапно женщина глубоко задумалась, гладкий высокий лоб прочертила вертикальная ниточка-морщина.

«Э, нет, так не пойдет. Ан-далемм не должна утруждать себя размышлениями *любого* рода».

Уннар-заш не удержался и дотронулся до ее лба, разглаживая, стирая противную взгляду складочку.

Кажется, женщина даже не обратила внимания на прикосновение огрубевших пальцев. Она растерянно посмотрела на Уннар-заша.

– Я... не помню... где я жила раньше.

«Ну и ладно, зачем оно тебе?» – он усмехнулся, потом успокаивающе взял ее за руку.

– Это неважно, Ан-далемм. После того, как я отвезу тебя Повелителю, твое прошлое не будет иметь никакого значения.

– Ты так странно... меня называешь, – пробормотала она, – почему? У меня... кажется... было имя. Но я...

Она закрыла глаза и горестно вздохнула.

– Все неважно, Ан-далемм. Если Повелитель пожелает, он даст тебе имя. И это же имя будет начертано на двери твоей погребальной комнаты.

Плечи женщины мелко затряслись. Ну вот, еще не хватало слез!

– Но, полагаю, ты не умрешь быстро, – поспешно сказал Уннар-заш, – Повелитель будет ценить тебя превыше многих.

Внезапно он понял, что женщина смеется. Затем, внезапно умолкнув, она в упор взглянула на Уннар-заша.

– Ты не просто так хочешь подарить меня вашему... как там его... тебя ведь наградят, да?

– Повелителю, – подсказал Уннар-заш. Скрывать было нечего, – если я отвезу тебя к нему, то буду прощен и вернусь ко двору. Я перестану быть *заш*, изгнанником, и стану Уннар-даланн, тем, кем был раньше. Советником. Кровным братом.

– А если я сделаю все возможное, чтобы ты не довез меня туда? Об этом ты, в силу своего примитивного развития, не подумал?

Уннар-заш пожал плечами. Он не совсем понимал, что такое «примитивное развитие», но общий смысл сказанного был ясен.

– Тогда мне придется тебя убить, Ан-далемм. У тебя должен быть хозяин. И он будет. Император, никто другой.

Она помолчала несколько мгновений, и снова досадная морщинка прочертила белый лоб. Будущая Ан-далемм размышляла, ее тонкие пальцы механически перебирали серебряную цепочку с медальоном. Затем она вновь подняла взгляд на Уннар-заша, и взгляд этот не про- рочил ничего хорошего.

– Хорошо, я согласна, – медленно, очень тихо произнесла женщина, – я сделаю все, как ты скажешь. Более того... Я сделаю так, что ты будешь прощен и вновь станешь... кем ты там был, я не могу запомнить вашу терминологию. Но я хочу кое-что взамен.

– Не в твоём положении торговаться, женщина, – хмуро напомнил он, одновременно пытаясь сообразить, что такое «терминология». Эта женщина постоянно сбивала его с толку своими мудреными, непонятными словами, и Уннар-заш начинал сердиться.

Кому ж понравится чувствовать себя дураком?

– Это ты зависишь от меня, – Ан-далемм дернула уголок рта, – ты зависишь, судя по всему, от того, как я буду ублажать вашего царька. Ты ведь хочешь вновь возвыситься? Так что в твоих интересах сделать все, о чем я прошу. Я хочу, чтобы ты мне помог... найти...

Она ловко раскрыла медальон из гладкого светлого металла, который Уннар-заш сперва принял за серебро.

Внутри оказалось изображение женщины, слишком мелкое, чтобы разглядеть.

Ан-далемм кисло улыбнулась, провела пальчиком по кромке медальона и – о чудо! – изображение словно ожило, стало объемным и увеличилось так, что Уннар-заш смог вне всякого сомнения сказать, что перед ним портрет еще одной тонкой женщины из-за Гиблых радуг.

У нее было узкое, немного вытянутое лицо. Большие глаза. Дикий, хищный разлет черных бровей. И аккуратный нос, просто идеальный, с тонко очерченными ноздрями.

– Это твоя мать? Или сестра? – спросил он.

– Почему ты так думаешь? – радужные глаза пытливо заглядывали в душу.

– Вы похожи, – он пожал плечами, – но ты лучше.

– Я... не знаю, кто она мне, – прошептала Ан-далемм, – помню только, что должна ее найти. Здесь. Она должна быть где-то здесь.

– Здесь степь, женщина, – Уннар-заш рассердился. Впрочем, он всегда раздражался, когда к нему приставали с дурацкими просьбами, – она могла давно погибнуть. Уже давно ее кости могли растащить гиены.

– Если ты сделаешь все, чтобы найти ее, то я постараюсь сделать так, чтобы ты стал... – она резко захлопнула медальон.

– Уннар-даланн, – подсказал он, – твоя взяла. Пожалуй, я попробую поискать эту женщину. Но помни, степь не терпит слабых.

– Да уж. Это я поняла, – выдохнула Ан-далемм.

Было видно, что долгая беседа утомила ее. Женщина вытянулась на одеяле и закрыла глаза.

– Мы скоро отправимся в путь, – обронил Уннар-заш, выбираясь из-под тента на палящее солнце и, к вящему своему раздражению, понимая, что весь отряд внимательно слушал их разговор.

– Что уставились? – буркнул он, – Дей-шан, поди сюда.

Дей-шан – бывший старший отряда, до того, как Уннар-заш был вынужден, молча про- клиная свою высокородную кровь, принять командование. Дей-шан походил на иссушенный, выдубленный ветрами и солнцем кряжистый пень – с волосами, заплетенными в косу, с почти коричневой кожей, изрезанной глубокими морщинами, с огромными руками и широченными

плечами. В его черных глазах читалось глубочайшее презрение, питаемое к отпрыску знатного рода, Уннар-зашу, то есть. А еще Дей-шан очень любил, чтобы его боялись, неважно кто – мужчина, женщина, старуха, ребенок. Наверное, он и жрал бы страх, если б мог.

– Ты принимаешь командование отрядом, Дей-шан, – тоном, не допускающим возражений, сказал Уннар-заш.

Дей-шан промолчал, но тишина была красноречивее любых слов.

– Я увезу тонкую женщину в Хеттр, – добавил воин, – вы все будете щедро вознаграждены Повелителем.

– А если Повелитель не захочет слушать Уннар-заша? – Дей-шан намеренно сделал ударение на последнем слове.

– Он захочет меня выслушать, Дей-шан. Я уезжаю сейчас же.

– Она не перенесет дороги, – хмуро заметил воин, бросая взгляд в сторону тента, где лежала на боку, подтянув к груди ноги, синеволосяя чудная птица.

– Перенесет, – Уннар-заш махнул рукой, – она не была ранена. Она просто ослабла.

– Тебе виднее, – Дей-шан с напускным безразличием пожал плечами и отвернулся.

А Уннар-зашу, имеющему некоторый опыт в дворцовых интригах, очень не понравился его тон.

– Я уезжаю, – повторил он, – ты принимаешь командование отрядом.

И, развернувшись, направился к коню проверить состояние сбруи.

... Когда солнце перевалило за полдень, Уннар-заш ехал по блеклой, высушенной и выжженной степи, придерживая одной рукой Ан-далемм. Она откинулась назад, устроилась удобно в объятиях Уннар-заша, и – видят Двенадцать – в его голове то и дело мелькала чудовищная, преступная мысль. А не оставить ли *себе* это чудо, явившееся из-за Радуг?

И оставил бы непременно. Но променять возможность вернуться в Хеттр на мимолетные плотские утехы? Нет уж, Уннар-заш не так прост. Вернее, уже Уннар-даланн. Почти.

К ночи зной спал, потянуло легкой, живительной прохладой. Над степью величаво восходила стареющая луна, непомерно большая и скорбно-бледная. Они устроили привал у подножья круглобокого холма, и Уннар-заш спокойно отвернулся, когда Ан-далемм поковыляла к ближайшим зарослям лебеды. Отчего-то он был уверен в том, что никуда она не убежит. Ан-далемм производила впечатление женщины неглупой, а неглупая уже должна была понять, что в летней степи бежать некуда, если только тебя не ждет сообщник с резвым конем. У Ан-далемм не было сообщника, у нее вообще никого не было, кроме призрачной женщины в медальоне, и потому Уннар-заш терпеливо дожидался. Потом, когда она вернулась, он бережно завернул свое сокровище в шерстяное одеяло, усадил на сухую как пепел землю, а сам принялся извлекать из мешка ту нехитрую провизию, которую второпях собрал с отряда.

– Это что, шерсть? – спросила женщина, поглаживая одеяло.

– Верно, Ан-далемм.

Она вдруг хихикнула.

– Это странно... Вы используете такие дорогие материалы...

И запнулась, снова наморщив лоб. Потерла виски, словно пытаясь вспомнить. Затем растерянно посмотрела на Уннар-заша и пояснила.

– Иногда что-то всплывает, мелочи. Я не помню, где жила и кем была до того, как...

– Это неважно, – он попытался успокоить Ан-далемм, – не думай о прошлом. Через несколько дней мы будем в Хеттре, и ты станешь истинной жемчужиной венца Повелителя. Ты будешь хорошо жить во дворце, у тебя будут платья, украшения. Будешь есть и пить с золота.

– Только на это вся надежда, – Ан-далемм мрачно усмехнулась и покачала головой, – в самом деле, только и мечтала стать сто первой женой... Как его зовут, вашего Повелителя?

– Его имя не произносится, Ан-далемм. Если он поверит тебе, то скажет сам.

– Изумительно.

Тем временем Уннар-заш нарезал вяленое мясо. Оторвал кусок лепешки и подал ее женщине вместе с ломтем конины. Она молча взяла и принялась жевать, глядя в черное небо.

– Расскажи мне о ваших землях, – попросила Ан-далемм.

Уннар-заш ожидал этого вопроса. Он взял себе мяса, флягу с водой и подсел ближе к женщине. В темноте ее кожа казалась алебастровой. Глаза, как ни странно – черными. Он не отказал себе в удовольствии полюбоваться четкой линией скул, великолепным рисунком губ, которые будут дарить Повелителю наслаждение. Словно прочтя его мысли, Ан-далемм повернулась и посмотрела в упор.

– Что, сомнения одолели? Думаешь, не оставить ли себе такое сокровище?

И снова Уннар-заш смутился. Да она как будто мысли читает! И снова не нашелся, что ответить.

– Пожалуй, я бы осталась с тобой, – продолжила-промурлыкала Ан-далемм, – ты мне нравишься. Но, сдастся мне, во дворце будет лучше. Так что вези меня в Хеттр.

Она тихо и горько рассмеялась, а затем продолжила жевать мясо.

Уннар-заш, откашлявшись, начал рассказ о великой империи Зу-Ханн.

Воистину, необъятна Зу-Ханн, как и равнина, принявшая первые племена степных людей. Далеко на юге, в тридцати днях пути, империя постепенно вливается в раскаленную пустыню, которую никому и никогда не было под силу пересечь, а чуть восточнее – в великую и безбрежную воду. На севере, еще в ста днях пути отсюда, вырастают из земли каменные клыки. Вырастают – и упираются в небеса, неприступные и непроходимые. Далеко к востоку – тоже горный хребет, заселенный распроклятыми и низкими шелтерами, позором, который непонятно как носит земля. А вот ежели взглянуть на запад, то южнее начинается стена Гиблых Радуг, которая отгородила в незапамятные времена тайные земли. Севернее начинается лес, черный и страшный, прибежище визаров... Непонятных, невероятно могущественных, и оттого непобедимых.

Ан-далемм хмыкнула, тем самым прервав неспешное повествование Уннар-заша.

– Что тебе, женщина? – он нахмурился, ибо не привык к подобному.

– Мы сейчас на юго-западе? – уточнила она.

– Не совсем. Мы в десяти днях пути от земель визаров.

– Значит, кроме вас здесь еще живут эти... визары, и... кто еще?

– Шелтеры, – Уннар-заш презрительно сплюнул, – презренные черви, живущие в норах. Труссы, у которых не хватает духу выйти и дать бой на равнине. Они нападают исподтишка, по ночам... Грабят и убивают стариков и женщин.

– А визары?

– Они повелевают духами леса. И никто никогда не видел их вблизи.

Ан-далемм с сомнением покачала головой.

– Откуда тогда вы знаете, что они повелевают духами леса? Кто-то наверняка видел их.

– Да, кто-то и когда-то, – Уннар-заш неожиданно для себя перешел на шепот, – они могут вырвать с корнем дерево. Сотворить ледяную стену. Или огненную. А лиц у них нет, вместо головы – первозданная тьма.

– Любопытно, – прошелестела женщина, и Уннар-заш понял, что визары не произвели на нее должного впечатления.

– Ты так говоришь, потому что никогда их не встречала.

– А ты? – она упрямо тряхнула головой, – думается мне, большая часть ужасных слухов – выдумки.

Задела за живое. Да кто она, чтобы судить о знаниях человека степи? Всего лишь женщина, попавшая в степь из-за Гиблых радуг. Если бы не разведчики Уннар-заша, уже бы померла... И кости гиены обглодали. Или норник нашел...

Он замер, почувствовав на щеке нежные пальчики.

– Ну, ну, не сердись, – промурлыкала Ан-далемм, поворачивая к себе его лицо, – я вовсе не хотела тебя обидеть. Ты дитя степи, и не обязан быть кем-то еще.

От ощущения ее рук на коже все стянулось в болезненный узел под ребрами. Глаза Ан-далемм казались двумя провалами в бездну, в то время как ее руки... Начали уверенное путешествие вниз – по шее, в ворот туники. Уннар-заш нашел в себе силы отшатнуться и, с трудом переведя дыхание, рыкнул:

– Прекрати! Я везу тебя Повелителю.

– А разве он что-то узнает? – в низком, грудном голосе женщины скользнули ироничные нотки, – ну разве что сам ему расскажешь...

– Ты ведешь себя неподобающе для женщины, – сухо заметил Уннар-заш. Он уже был на безопасном расстоянии от этих мягких рук, заключивших в себе такую власть, и уже успел сто раз пожалеть о том, что разведчик поехал в сторону колодца Костей.

– Скучный ты, – она вздохнула с притворным сожалением. А потом поинтересовалась: – за что тебя выслали из дворца?

Ковырнула ножом в едва затянувшейся ране.

Уннар-заш глянул на *тонкую* и внезапно понял: она это специально. Провоцирует, хочет вывести из себя. Зачем? Да, видать, просто посмотреть, что будет. Скрипнул зубами. Нет-нет, спокойствие, нужно хранить спокойствие. Пусть потом... брат с ней возится.

– Не твое дело, – огрызнулся он.

Ан-далемм покачала головой.

– Ты презабавный субъект, хоть и совершенно примитивный. Ты хочешь, чтобы я тебе помогла, там, во дворце, но не собираешься вводить меня в курс дела. Если я буду знать, за что тебя пнули под зад, то мне будет проще контролировать вашего владыку.

И снова поток слов, значения которых он просто не знал.

При этом слов, сказанных вроде как на языке Империи.

Уннар-заш поежился под пронизывающим взглядом пришедшей. А потом мстительно подумал – так тебе и надо, братишка. Будешь плясать под дудку этой бабенки, как миленький. Можешь, конечно, корчить из себя великого, но она тебе спуску не даст.

– Не хочешь говорить, не надо, – будущая Ан-далемм покачала головой, аккуратно заправила за ухо спутанную прядь, – мечтаю о ванне. Надеюсь, там, в Хеттре, мне дадут помыться? Вы вообще моетесь?

– Моемся, – угрюмо ответил Уннар-заш, – мы ж не звери какие.

Она хмыкнула.

– Хотелось бы в это верить, очень хотелось бы.

Затем решительно сняла с шеи медальон, протянула ему.

– Вот, возьми. Раз уж я буду сидеть во дворце, тебе это понадобится.

Ну вот. Опять за свое.

И не то, чтобы он не хотел помочь Ан-далемм. Просто не верил в то, что одинокая женщина может выжить в степи.

Уннар-заш поймал ее взгляд – и было в нем столько отчаяния и немой мольбы, что он протянул руку.

Ладонь защекотало приятным холодком металла.

– На шею повесь, а то потеряешь, – усмехнулась женщина, – так что, ты обещаешь помочь мне?

И снова он повиновался, чувствуя, как при этом наливаются жаром щеки. Вот же глупость! Внезапно он начал краснеть перед бабой, словно мальчишка.

– Я уже сказал, что попробую, – проворчал Уннар-заш, – но не обещаю, что найду. Она могла погибнуть.

– Мне кажется, она где-то рядом, – прошептала Ан-далемм.

Она выпуталась из одеяла, поднялась на ноги и потянулась. Уннар-заш подумал о том, что никогда еще не видел столь занятой одежды, которая бы облегала тело как вторая кожа. Надо сказать, совершенно бесстыже и неподобающе. И материал – светлый, серебристый, гладкий. Так и хотелось его пощупать, рассмотреть поближе...

– Здесь красиво, – сказала Ан-далемм и зевнула, прикрывая рот узкой ладонью, – однако, неуютно. Непонятно, на кой меня сюда вообще понесло...

И замерла, задумавшись.

А спустя мгновение на них напали.

Уннар-заш успел рвануть меч из ножен и толкнуть на землю свою Ан-далемм. Клинок прочертил сверкающий в лунном свете путь, чиркнул по шее ближайшую тень – в ночь плеснуло темным гляncем. Уннар-заш успел бросить взгляд на женщину, в память врезалось ее неестественно-белое, меловое лицо. Сразу двое бросились к ним из темноты, первого Уннар-заш удачно пнул под коленную чашечку, второго отшвырнул назад блоком, от которого болезненной судорогой скрутило руку до плеча. Скрипя зубами, он рубанул наискосок, рассекая грудь упавшего. Ан-далемм что-то крикнула, он развернулся, одновременно уходя вбок, но... опоздал.

Осознание того, что уже ничего не исправить, пришло вместе с обжигающей волной, поднимающейся из живота. Еще. И еще. Качнулось небо. Луна размазалась по тьме и исчезла из поля зрения. Уннар-заш инстинктивно зажал рукой раны на животе, пальцам стало горячо. Кровь выплескивалась вялыми толчками, и он вдруг с ужасающей ясностью понял, что – все. Больше ничего не будет. Он не привезет Повелителю Ан-далемм, он не будет прощен, он никогда не покинет рубежи Зу-Ханн. Вместо этого он сдохнет как гиена посреди пыльной, изнуренной зноем степи, и смерть эта будет мучительной. Перед глазами стремительно собиралась черная пыль. Но в самый последний миг, перед тем, как ее покров сомкнулся над ним, Уннар-заш увидел лицо Дей-шана. Тот ухмылялся.

Глава 2.Тана

Все, что она могла сделать – это съжившись, закрыв голову руками, наблюдать за тем, как человек, назвавший себя Уннар-зашем, упал сперва на колени, зажимая чудовищные колодые раны, а затем медленно, как будто нехотя, завалился набок. Над ним склонился убийца, к нему подошел еще один, что уцелел чудом. И внезапно перед глазами, соткавшись из алых кусочков мозаики, предстала странная картина: вот она сама стоит над чьим-то телом. Это женщина. Ее светлые волосы разметались по бордовому ковру, вместо лица – кровавое месиво с осколками костей. И она, Тана Альен, шепчет кому-то третьему, чьего лица не видно: что ты наделал? Ты знаешь, что тебя теперь ждет?!!

«Тана Альен, – повторила она про себя, поражаясь собственному спокойствию, – мое имя – Тана Альен».

Все остальное тонуло в беспроглядной тьме, как и вся степь... Как и умирающий неподалеку Уннар-заш, молодой, полный сил и какой-то чересчур правильный и благородный, что ли. Такие, как он, долго не живут – ни здесь, ни там, откуда она пришла.

Меж тем двое напавших убедились в том, что Уннар-заш не опасен более, быстро осмотрели убитых и развернулись к Тане – но она не предпринимала попыток бежать. Просто лежала и смотрела, как, хрустя сухой травой, к ее голове приближаются две пары ног, обутих в тяжелые сапоги. Страх не было, было лишь сожаление о том, что Уннар-заш убит. Как странно, он выглядел таким... широкоплечим, сильным. Казался вечным. Но увы. Несколько секунд – и нет больше молодого военачальника. А она осталась один на один с убийцами. И не успеет забрать медальон... Да и вряд ли он понадобится.

– Поднимись, женщина, – прозвучала команда.

Тана послушно поднялась. Она помнила тех двоих – оба были из отряда Уннар-заша и оба отправились следом отбить ценную добычу.

– Ну, что я говорил? – Дей-шан ткнул пальцем в Тану, – разбогатеет мы с тобой, Риэду.

– Вы тоже повезете меня к Повелителю? – поинтересовалась Тана, за что тут же получила оплеуху. Легкую такую, Дей-шан даже не замахивался особо, но от удара в голове звякнули осколки зеркала, все закрутилось перед глазами, и Тана обнаружила себя в руках Риэду. Который, к слову, тут же воспользовался ситуацией, чтобы совершенно по-хозяйски ухватить за задницу. Этот парень вел себя совершенно предсказуемо, а потому был почти безвреден. Мужчин Тана не боялась. Особенно таких, молодых, горячих и безмозглых. Куда большую опасность мог представлять предатель, убивший своего командира. Вот с кем нужно было быть очень осторожной.

– Ты что? Испортишь же! – несмело взбунтовался Риэду.

Тана одарила его долгим, благодарным и очень многообещающим взглядом. Дыхание у парня участилось.

– Не испорчу, дурак. Женщину надо в страхе держать, понял? – и тут же, обращаясь к Тане, продолжил, – ну что, будешь слушаться?

– Буду, – согласилась она. Промакнула тыльной стороной ладони разбитую губу. Ох, ответишь ты за все, Дей-шан... Да и ты, Риэду, тоже.

– Тогда становись на ноги и греби к лошадям. Оставь ее, Риэду, сама дойдет.

Тана, демонстративно пошатываясь, побрела в сторону лошадей. Ей почудился хриплый полувздых-полустон из травы, где лежал Уннар-заш, но она не решилась пойти туда. Прокуто? После таких ран здесь не выживают. Хотя жаль его, очень жаль.

За ней шли двое, Тана слышала, что они о чем-то горячо спорят, но, как ни напрягала слух, не могла разобрать ни словечка. Ей постепенно овладевал страх – первобытный, необоримый. Страх жертвы перед хищником.

«Забвение, – ругнулась она мысленно, – прекрати. Не раскисай. Как только раскиснешь, сохнешь. В конце концов, что они тебе могут сделать? Да ровным счетом ничего такого, чего бы тебе стоило бояться. Не забывай, что ты здесь – ценная штучка. А это значит, убивать не будут. Разве что... попользуют слегка... но ты же не будешь бояться этого? Бояться неизбежного глупо».

И в самом деле, нужно просто выждать время. Она вытерпит.

В какой-то миг Дей-шан широким шагом опередил ее и твердо взял за плечо.

– Риэду, седлай, – короткий кивок в сторону сонных коней, – а ты, девка, прогуляешься со мной.

– Дей-шан! – возмущение и раздражение в голосе молодого Риэду.

– Я сказал – седлай. На свежих конях поедем, – повторил старший и потянул Танау в сторону. Понятно, для чего. Как говорил Уннар-заш – она здесь лакомый кусочек. Сокровище. Кто ж удержится от соблазна?

Тана не стала задавать лишних вопросов. Зная, что убийца Уннар-заша тяжел на руку, изобразила страсть просто запредельную, чем весьма того порадовала. То, что от запаха немытого тела мутило – это мелочи. Главное, не покалечил, а это уже дорогого стоит. Даже ей руку подал, жесткую, мозолистую, поднял на ноги, и потеплевающим голосом сказал:

– Приведи в порядок одежду, женщина. Не врут сплетни. Будешь и дальше умницей, найду тебе хорошего хозяина. А нет – продам для развлечений. Повелитель, он, конечно, владыка... Но скуповат. А мне не помешает золотишко на старости лет.

– Дей-шан так великодушен, – проникновенно выдохнула Тана, – я благодарна хозяину.

– Вот и ладно, – Дей-шан застегнул пояс, – а теперь ехать надо.

Когда они подошли к лошадям, Тана перехватила взгляд Риэду, брошенный в сторону Дей-шана. Зависть. И Ненависть. Непонятно даже, чего больше.

Риэду помог ей взобраться в седло, и Тана не смогла отказать себе в удовольствии незаметно погладить его по мускулистой руке. Черные глаза воина жарко полыхнули, но он быстро отстранился и, сутулясь, побрел к своему коню.

– Давай, шевелись, – прикрикнул Дей-шан, – Иллерон нас ждет.

Занимался малиновым заревом рассвет над бескрайней степью. Как выяснилось, Тана совершенно не умела ездить на лошади – выяснилось после того, как она кубарем полетела на сухую землю. Поэтому Дей-шан взял ее к себе в седло. Не доверял, значит, молодому. Тана не сопротивлялась: во-первых, особого выбора ей все равно никто не предоставил, во-вторых, особого отвращения к Дей-шану она тоже не испытывала. Ну, мужчина. Грязный, немытый. Просто еще один мужчина.

Правда, время от времени позвякивал в голове тревожный звоночек – не отхватить бы от этого «еще одного» какой-нибудь сюрприз. Ребеночка, например. Но это тоже не казалось смертельно-опасным. Главное – подстроиться под ситуацию, мимикрировать, превратиться на время в покорную мышку. Ровно до тех пор, пока что-нибудь не изменится.

«Я переживу все это, – вяло думала она, – а там посмотрим, чья возьмет».

Теперь, когда они крупной рысью следовали куда-то на юго-восток, у Таны появилось время подумать и осмыслить ту ситуацию, в которой она оказалась.

Дела обстояли – не очень. Можно даже сказать – поганенько.

Память словно старинная, наполовину осыпавшаяся мозаика. Не осталось ничего внятного о той, прошлой жизни, которая закончилась благополучно в тот момент, когда Тана открыла глаза и обнаружила себя лежащей среди колышущегося моря пожелтевшей травы. Голова противно гудела, тело болело, но у нее нашлись силы куда-то идти в надежде встретить людей. Потом силы иссякли, и в себя она пришла уже под внимательным взглядом огромного, загорелого до черноты человека в странном одеянии, очень похожим на те доспехи из кожи,

которые ей доводилось встречать... где? Не помнила. Впрочем, Унна-заш ей понравился. Было в нем что-то располагающее к себе, несмотря на совершенно дикий, примитивный вид. Лоб довольно высокий, взгляд открытый и плечи ну совершенно непомерной ширины. Правда, здешние скорее всего все такие – высокие, но широкие в кости, а поверх еще и приличный слой мышц, да такой, что предплечье Унна-заши в обхвате было как четыре ее, Таны, предплечья.

Она покосилась на руки Дей-шана, сжимающие поводья. Тоже черные – от загара, от пыли, покрытые шрамами. Ночью он этими руками ей чуть ребра не переломал, синяков наставил. Впрочем, с синяками жить можно, до поры до времени. Хотелось помыться. А в сознании медленно зрела уверенность, что от всех прелестей этой поездки ей не отмыться никогда.

Тана вновь вернулась к печальным своим мыслям.

Противно, когда не помнишь, кто ты была. Гулящей девкой? Нет, она твердо знала, что нет. Тогда почему совершенно спокойно отдалась какому-то грязному и вонючему *примитиву*? Где вопли и терзания по поводу несчастной женской доли? Где горечь обиды?

Нет их. Разве что досада – да и то исключительно оттого, что посреди жухлой травы и вообще не пойми как.

Похоже, что там, откуда она сюда прилетела, секс со случайным партнером был нормой. Все равно что легкий перекус между завтраком и обедом. Но, понятное дело, если добровольно...

Тана раз за разом возвращалась к уцелевшему фрагменту воспоминаний. Бордовый ковер. Мертвая блондинка с разбитым лицом. И кто-то, чье лица пока не вспомнить. Тот, кто убил. Его, судя по воспоминаниям, Тана тоже не боялась. Она просто была уверена в том, что ей ничто не угрожает, и хотела – искренне хотела – помочь тому неизвестному. Желание помочь и даже сострадание остались послекусием воспоминания. Больше, увы, ничего.

Ни – кто, ни – откуда. Были ли дети. Будут ли дети здесь, учитывая обстоятельства.

И где это – здесь?

Само собой всплыло в памяти одно-единственное слово. Забвение. Иррациональный, первобытный страх перед заключенным в слове смыслом. Когда-то... Похоже, она очень боялась оказаться в Забвении, потому что, попав туда, никто уже не возвращался.

Вынырнув из тяжких размышлений, Тана огляделась – и, к собственному вялому удивлению, увидела неподалеку, на фоне безбрежного моря выжженной травы, нечто новое.

Редкий плетень, покосившийся, в прорехах, опоясывал две кривые лачуги, крытые вязанками сухой травы. Из крошечного и закопченного оконца к небу уходил густой дым. Дей-шан придержал коня у самого плетня. Тана вздрогнула, когда мужчина гаркнул во всю силу легких:

– Унна-заш! Унна-заш, ты здесь?

И снизошел до объяснения:

– Здесь живет старуха, которую когда-то выгнали из поселка. Она ведьма, к ней приходят Полночные духи.

Тана понятия не имела, что такое «ведьма», и кто такие «Полночные духи», но переспрашивать не стала. Тем более, что никто не откликнулся на рев Дей-шана.

Впрочем, это его не смутило.

– Унна-заш! – гаркнул он, – ты меня слышишь? Это Дей-шан! Духи тебя прибрали, что ль?

– Духи меня не тронут, а вот смерть за мной уже пришла, – услышала Тана сиплое карканье.

Следом появилась и хозяйка. Спина ее была согнута дугой так, что старая женщина была вынуждена постоянно заирать голову, чтобы смотреть перед собой. Длинные седые волосы висели пучками спутанной пакли, лицо казалось черным от въевшихся в кожу грязи и загара. Старуха подслеповато щурилась на непрошенных гостей, затем ее мутный взгляд переместился на Тану и словно прилип.

– Что тебе надо, Дей-шан? – она все еще держалась на расстоянии от плетня, словно тот мог ее защитить от двух вооруженных конников.

– Лошадей напоить и отдохнуть. Заплатим. Колодец твой, поди, не пересох еще?

– Чем заплатишь, Дей-шан? Честным железом? – проскрежетала хозяйка, ковыляя к калитке.

– Серебром, – тот пожал плечами, – причем здесь железо... Совсем старая из ума выжила.

– Куда красавицу везете? – между прочим осведомилась старуха, когда они спешили, – коней, вон, под навес.

– Не твоего ума дело.

– Воду из колодца сам доставай, стара я уже стала.

– Мыться хотим, – объявил Дей-шан, а Тана изумилась про себя – как, они здесь даже от грязи своей избавляются?

– Сами воду таскайте, – буркнула старуха.

Тану, подталкивая меж лопаток, завели в пустое жилище – если, конечно, это название было вообще применимо к помещению. Внутри глинобитные стены осыпались, обнажив плетение прутьев. Посреди, обложенный черными от копоти булыжниками, тлел костер, над которым был установлен такой же закопченный глиняный горшок с неведомым содержимым. У одной из стен, что дальше от входа, лежал ворох старых шкур. Там же, вдоль стены, были расставлены маленькие горшочки и кувшинчики, растрескавшиеся и грязные.

От дыма защипало глаза, Тана инстинктивно попятилась, но уперлась спиной в Дей-шана.

– Принеси воды, – кивнул тот Риэду, и продолжил, обращаясь к шаркающей у входа старухе, – а ты дай этой девке одежду.

– Степь с тобой, Дей-шан, – хмыкнула женщина, – откуда у меня...

– Давай сюда, знаю, что есть.

Старуха, недовольно бормоча под нос, похромала прочь. Дей-шан грубо развернул Тану к себе, и ей пришлось выдержать тяжелый, испытывающий взгляд.

– Я хочу, чтобы ты помылась, – его пальцы больно впивались в плечи, – попробуешь удрать – убью.

«Не убьешь», – она не стала опускать глаза. Просто стояла и смотрела в пронзительно-черные недобрые глаза человека, которому на сей момент принадлежала.

– Чего уставилась? – Дей-шан внезапно сорвался на крик, – не смей! Не смей на меня пялиться!

– Как пожелает господин, – промурлыкала Тана и принялась разглядывать носки своих башмаков, серые, с металлической искрой. Здесь подобных материалов она еще не встречала, и в памяти вновь всколыхнулся забытый страх перед Забвением.

Дей-шан взял ее за подбородок и развернул лицом к свету. Затем резко рванул ворот одежды, обнажая плечи и грудь.

– У тебя не было детей, – заключил он после беглого осмотра, – сколько тебе лет минуло?

– Я не знаю, господин, – ответила она, – я не помню себя.

– Ты выглядишь как молодая девушка, – продолжил Дей-шан, – но ты старше. Девушки боятся.

– Зачем мне бояться доброго господина?

Она не торопилась прикрываться, наоборот, легко освободилась от остатков одежды. К чему ее беречь? Все равно обещают новую. Возможно, не такую хорошую, не такую удобную – но хотя бы не рваную. Улыбаясь, Тана из-под ресниц наблюдала за Дей-шаном. Тот выругался, оглядывая ее с ног до головы, а еще через мгновение Тана оказалась крепко прижатой к грязной стене лачуги.

«Не развалить бы это... сооружение», – подумала она про себя. Но стены оказались крепкими. И еще – как и полагается – в самый разгар веселья появился Риэду с парой деревянных

ведер. С видом оскорбленной невинности грохнул ими о пол и, плюнув себе под ноги, ушел. Жаль, Дей-шан этого не видел, иначе у него бы появился повод усомниться в лояльности подчиненного. Тана улыбалась, глядя поверх плеча Дей-шана в тростниковый потолок.

Вода оказалась ледяной. И на самом деле это только называлось – «помыться». Старуха торжественно выдала чистую тряпку, жесткую и шершавую наощупь. А затем столь же торжественно разложила на полу черный балахон и такую же черную накидку. За происходящим молча наблюдал Дей-шан. На вопросительный взгляд Таны указал на одно из ведер, принесенное Риэду. Ничего не оставалось, как приступить к обтиранию.

– Если бы ты не стояла так дорого, то я бы тебя убил, – задумчиво сообщил Дей-шан.

– Я провинилась перед господином?

– Нет. Но ни одна женщина не должна лишать мужчину рассудка. Это делает мужчину слабым.

Тана помолчала. Она пыталась даже не смыть, хотя бы соскрести всю ту грязь, которую собрала с момента своего появления здесь. Мелькнула мысль – не попросить ли хозяина обтереть спину, но Тана вовремя прикусила язык. Возможно, когда-то и где-то она обращалась с подобной просьбой (или даже приказом) к кому-то другому. Но то было где-то. А здесь – о, Тана сильно сомневалась в том, что Дей-шан придет в восторг от подобного предложения.

Покончив с мытьем, она взяла одежду. Нижнего белья, разумеется, не было. Само одеяние напоминало черную рубаху с широкими рукавами, а накидка оказалась просто прямоугольным куском ткани. Тана почему-то была уверена в том, что *там*, откуда она здесь появилась, одежда была совершенно другой. Легкой, без этих безобразных и кривых швов, из материалов, которые были созданы искусственно. Тана поймала себя на том, что бесцельно мнет в руках черную тряпку.

– Это на голову, – неохотно пояснил Дей-шан в ответ на ее вопросительный взгляд, – замотаешь голову, женщина, и чтобы лица не было видно.

– Да, господин.

Одевшись таким образом, Тана молча стала перед своим нынешним владельцем. Тот несколько секунд ее рассматривал, затем рявкнул:

– Унла-заш!.. Унла-заш, поди сюда, побери тебя Полночный дух!

Старуха не заставила себя ждать долго, выросла в дверном проеме словно тот самый упомянутый дух – черная, сгорбленная и страшная. Проскрежетала с порога:

– Чего надо?

– Стереги эту женщину, – бросил Дей-шан, – ежели сбежит, будешь сдыхать долго и больно. Ты поняла?

– Чего уж тут не понять, – Унла-заш покачала головой, – постерегу. Только ты мне серебра сперва отсыпь, а то много вас тут ездит. Одному поесть дай, другому коней напои, третьему товар стереги...

– Ну ты и стерва, – усмехнувшись, Дей-шан сунул руку в кошель на поясе, порылся там основательно, затем бросил на пол три тусклых монеты.

– Теперь постерегу, – старуха, хихикая, принялась собирать подачку. Впрочем, ей даже не нужно было наклоняться – из-за согнутой в дугу спины руки болтались почти до земли.

– Смотри у меня, – Дей-шан погрозил ей пальцем, обронил в пол-оборота, – и ты тоже... Если только попробуешь сбежать, я тебя найду, и тогда уже шкуру сдеру.

Тана молча проводила его взглядом.

– Мыться пошел, убийца проклятуций, – прокомментировала Унла-заш.

Шаркая тяжелыми башмаками, она приблизилась к Тане и – совершенно неожиданно – участливо погладила по предплечью.

– Досталось тебе, красавица? – горестно покачала головой, – ох, а сколько еще натерпишься! Я, как тебя увидела, так и поняла, тяжело тебе придется, ой, тяжело!

Тана пожала плечами. Что она могла ответить этой старухе? То, что не так уж и «досталось»? Что наверняка могло быть гораздо хуже? Или – наоборот – что из-за нее убили человека, гораздо лучшего, чем Дей-шан? И что ей, Тане, очень хотелось бы верить, что когда-нибудь, а еще лучше – в ближайшее время – Дей-шана постигнет справедливое возмездие?

– ...Ты девица, небось, была? – словно гул дождя по крыше, доносилось старческое причитание, – или мужа убили? Что молчишь, красавица?

– Я... – она проглотила горький ком, внезапно ставший в горле, – я не помню.

– По голове, небось, били, – участливо заключила Унла-заш, – бедняга ты. Великая Степь жестока к своим дочерям. Здесь правят мужчины.

Тана улыбнулась невольно и пожала скрюченные грязные пальцы.

– Спасибо... матушка.

И откуда только слово забытое всплыло? Как давно она никого так не называла?

– Ты нездешняя, – Унла-заш будто бы задумалась, – откуда тебя привезли, красавица?

– И этого я не знаю, матушка. Мне сказали, что из-за Гиблых Радуг.

– А-а, вон оно как, – старуха вздохнула и как-то съежилась, – значит, мое время настало, красавица. Слушай меня. Говорил со мной Полночный дух, и узнала я, что придет чужестранка, а вместе с нею смерть моя. Но главное не это. У тебя есть суженый здесь.

– Что значит – суженый? – Тана все еще не до конца понимала значение всех слов этих людей.

– Это значит мужчина, назначенный тебе Великой Степью, – в голосе старухи появились сварливые нотки, – что ж ты такая бестолковая-то! Но самое главное – ты найдешь то, что хотела найти, но когда найдешь, не сможешь увидеть.

Тана покачала головой. Она не верила в предсказания выжившей из ума старухи. И веяло от них каким-то необъяснимым, неприятным холодом, и становилось на сердце тяжело, словно простерла над головой смерть свои темные крылья.

– Я даже не знаю, кого здесь хотела найти, – несмело возразила Тана.

Вместо ответа Унла-заш прикоснулась к внутренней стороне локтевого сгиба.

– Ответ там.

«Глупости какие», – подумала Тана, но вслух не сказала ничего. Обижать старую женщину не хотелось, тем более, что это был первый человек здесь, высказавший свое сочувствие странной чужестранке.

Унла-заш вдруг отвернулась от Таны и сделала несколько шагов по направлению к выходу. А через мгновение в дверном проеме вырос плечистый силуэт Дей-шана.

– Н-ну, наговорились? – он даже не взглянул на старуху, его взгляд приклеился к Тане.

– Да о чем с этой дурочкой говорить? – заскрипела Унла-заш, – везете головой блажную, ей только с мужчинами и ложиться, больше ни на что не годна.

– А большего и не требуется, – весело ответил Дей-шан, поманил к себе Тану, – поиди сюда. Уезжаем.

– А поесть, поесть-то? – засуетилась старуха, трясая головой.

– По дороге поедим. Еще отравишь.

Он крепко взял Тану за локоть, подтолкнул к выходу. И, уже переступая дощатый порог, она вдруг услышала легкий шелест за спиной. О, ей уже был знаком этот звук, звук, которого она не знала там, в прошлом! Захрипела, забулькала старуха, медленно оседая на землю. Из рта, которым она хватала воздух, толчками выплескивалась темная, почти черная кровь. Дей-шан быстро наклонился к Унле-заш, вытер меч о ее одежду и также быстро вбросил его в ножны. Тана резко, не размахиваясь, ударила Дей-шана в грудь кулаком.

– Ты! Ты зачем это сделал? Чем она помешала?

Естественно, он даже не пошатнулся. Зато отвесил такую оплеуху Тане, что все качнулось куда-то вбок, и Тана пребольно, всем телом, рухнула на сухую землю.

– Руки оторву, – зло прошипел в лицо Дей-шан, и затем, уже спокойнее, добавил, – она тебя видела. Вставай, дура, и поехали.

Глава 3. Рион

Наногенератор шелкнул, выдавая очередную капсулу с водой. Порция была маленькой, на один глоток, что, в общем-то, не позволяло сдохнуть быстро, но при этом усугубляло мучения. Время изготовления такой порции воды занимало час. Это значило, что до следующего глотка он пройдет еще несколько километров.

Рион вздохнул, упаковывая наногенератор. Весил прибор изрядно, и порой казалось, что его проще бросить где-нибудь, чем тащить на себе. С другой стороны, наногенератор давал воду, а в ночь Рион программировал изготовление белкового коктейля. Получался он довольно мерзким на вкус, словно крахмал, разведенный в воде, но – опять-таки – только благодаря этому Рион продолжал идти вперед.

Шел он в сторону гор. Надеялся, что там, в предгорье, он встретит людей. Об этом нашептывали воспоминания; с гор текут ручьи, а там – где вода – всегда есть какая-нибудь жизнь. К слову, помнил Рион гораздо больше, чем успел узнать за свою недолгую жизнь.

...Выбравшись из аварийной капсулы, он обнаружил себя стоящим посреди бесконечной, иссушенной солнцем степи. Ночь стремительно сворачивала темные рукава, отползала на запад. Небо на востоке обрело нежно-лиловый оттенок, и тогда-то Рион и разглядел в дымке заснеженные вершины. Все еще не веря, что жив, он осмотрелся, а затем пришло горькое осознание, что он остался совершенно один. В каком направлении катер выбросил вторую аварийную капсулу, оставалось только гадать. Похоже, именно в этом и заключался весь страшный смысл слова «забвение»: безжизненная равнина, выжженная солнцем степь – и полное одиночество под звездами. Рион побрел к горам. Он надеялся, что встретит там кого-нибудь. Тана Альен уверяла, что жизнь не заканчивается на границах Пангеи. Похоже, что только ему и осталось убедиться в этом – где искать Тану, не представлял. Более того, Рион совершенно не был уверен в том, что она пережила крушение катера. Испытывал ли он сожаление, полагая, что архитектор Альен погибла? Вряд ли. Рион искренне полагал, что если бы она не погибла, он сам бы ее убил – за все то, что она с ним сделала.

...Еще час – еще одна капсула с водой, смочить пересохшее горло. Солнце палило немилосердно, за двое суток пути лицо покрылось мелкими пузырьками. Раздавишь такой – и кожа скатывается под пальцами. Ткань летного костюма на поясице была мокрой от пота, возникало острое, почти необоримое желание сбросить с себя одежду, но Рион терпел, скрипя зубами. Все те же, *не родные* воспоминания подсказывали, что без одежды станет во сто крат хуже: к вечеру он покроется волдырями весь, и если сейчас идти тяжело и неприятно, то потом будет просто больно. Рион заставлял себя шагать, метр за метром, и хотя горы были все так же далеки, он знал, что мало-помалу продвигается вперед, и когда-нибудь пересечет безбрежную словно океан степь. А затем, когда встретит людей (если встретит), предпримет все возможное и невозможное, чтобы вернуться – и уничтожить все то, что породило его самого.

Он понимал, что это будет непросто, почти невыполнимо. Еще пару дней назад ему и в страшном сне не могло присниться, что он будет мечтать о подобном. Там, в коконе счастливого неведения и в границах данной ему памяти, Рион видел сны только о розовых садах. Тогда он и не подозревал, что то были сады вечного Эдема, и что слишком мало было отпущено ему счастья пребывания в них.

Рион отсчитывал время глотками воды. Наконец раскаленный шар солнца нырнул в дымку у горизонта, и зной начал спадать. Вздохнув с облегчением, Рион остановился и, убедившись, что в обозримом пространстве ему ничто не угрожает, уселся на землю. Добыв из чехла наногенератор, он лишь покачал головой: заряда должно было хватить еще на пару суток, не больше. Потом прихотливой машине требовалась подзарядка, а электричества – поди ж ты! – здесь не предвиделось. Он запрограммировал приготовление очередного белкового коктейля –

снова крошечная порция. Этот наногенератор Тана взяла дома, и он не был рассчитан на производство полного жизнеобеспечения человека. Но лучше что-то, чем ничего. Рион поставил прибор рядом с жиденьким и колючим кустом, сам вытянулся во весь рост и стал смотреть, как одна за другой в небе вспыхивали звезды.

Он хотел заснуть, но не мог. Мешали теснящиеся в голове чужие воспоминания; словно слепые котята, они копошились, толкались, и каждый раз на поверхность само собой всплывало нечто новое, с чем Рион никогда не имел дела – но о чем теперь прекрасно знал.

«Лучше бы ты утонула тогда, – лениво думал он, перемальывая свои новые знания и навыки, – но на самом деле, я злюсь именно на тебя, потому что хорошо знаком. То, что случилось – не твоя вина. Виноваты те, кто были гораздо раньше, виноват тот, кто все это придумал».

И его, того, кто был альфой и омегой системы под названием «Пангея», Рион собирался убить. Вот просто так вернуться – и убить. Ведь он теперь знал и то, как это – лишить другого человека жизни.

Прикрыв глаза, он все еще смотрел сквозь ресницы на бархатно-темное небо, на мерцающие точки звезд. Ноги ныли после пройденных километров, но Риона это не слишком беспокоило: подсистема регенерации восстановит его тело к утру, заботливо уберет все лишнее, устроит чистку организму. Всем нейрам внедрялась эта подсистема, поскольку организм нейра должен быть максимально устойчив и способен к длительной, изнуряющей работе. То, что Рион стал садовником – прихоть судьбы. Вернее, лорда Праймархитектора.

Он смотрел на звезды, застывших в бездне исполинов, и вспоминал-вспоминал-вспоминал.

...Небытие. Свет. Вокруг суетятся цветные пятна – розовые, зеленоватые, коричневые. – Давай базовую матрицу, – раздается бессмысленная команда, и в виски двумя молниями ударила боль.

Снова небытие.

И снова свет.

Цветные пятна обрели окончательную форму и смысл: розоватые лица, светло-зеленая спецодежда, темные, светлые, седые волосы.

Вокруг... люди. Довольно много. Они заняты чем-то, переносят с места на место тонкие металлические пластины, небольшие и легкие, судя по тому, что носят их в ладонях. Человек подходит, наклоняется почти к самому лицу и зачем-то светит в глаз маленьким фонариком.

– Реакция есть, – отчитывается он, торопливо щелкает пальцами, – ты меня слышишь? Понимаешь? Кивни.

Вполне удовлетворившись увиденным, человек снова обращается к кому-то:

– Что ему залить, Бен? Что, пока базовой достаточно? Хорошо, согласен.

Пока человек разговаривает, можно спокойно рассмотреть его лицо: молодое, тщательно выбритое, в углах узких карих глаз – лапки морщинок.

– Ты меня понимаешь, я вижу. Кто ты?

И ответ приходит сам собой, и пересохшее горло выталкивает чужое, но в то же время откуда-то знакомое слово:

– Нейр.

– Хорошо, – кивает человек и что-то отмечает на одной стороне квадратной пластины, – хорошо... для чего ты, нейр?

– Чтобы служить людям.

– Замечательно.

И, мгновенно утратив интерес к собеседнику, человек вновь кому-то рапортует:

– Этот готов под продажу, Бен. Переводить на склад? Ага, понял. Ну-ка, нейр, поднимайся, хорош лежать. Еще раз повтори – для чего ты нужен?

- Чтобы служить людям.
- Вставай. Вот твоя одежда. Быстро одевайся, и топай за мной.
- Да, господин.

Он поднимает сперва руки, с любопытством осматривая их, затем садится, и только тогда осматривается по сторонам. Странное место: огромное помещение с рядами узких коек, на которых лежат и сидят голые мужчины. Над каждой койкой – небольшой светящийся купол, путаница тонких цветных проводов. Вокруг бегают люди в светло-зеленом, подходят то к одному, то к другому... нейру, светят им в глаза, задают вопросы...

- Чего застыл? Быстро одевайся.

Он растерянно оглянулся на человека, которого повстречал первым: кажется, тот начал сердиться. Но руки откуда-то знали, как управляться с одеждой, с мудренными застежками, а ноги, оказывается, уже знали, как стоять и ходить. Он неуверенно побрел за человеком, который ускорял шаг, они миновали несчетные ряды коек, нырнули в сумрак длинного коридора. Мимо все так же спешили люди, некоторые вели за собой нейров. Свернув в одно из разветвлений коридора, они остановились перед металлическими дверями с большой цифрой «3».

– Здесь ты будешь ждать, пока за тобой не придут, – неохотно пояснил человек, – жди смиренно, ни с кем не разговаривай, если тебя не спросят.

Он быстро провел пластиковой картой перед датчиком, и с легким шелестом дверь сдвинулась в сторону, открывая путь в кромешную темноту.

- Господин, я буду там один?

– Ты задаешь вопросы, когда тебя не спрашивают, – внезапно нахмурился человек, – этого не должно быть. Но я все-таки отвечу: нет, не один. Вас там будет много.

...Темнота. Легкие прикосновения тел других нейров. Тишина, нарушаемая лишь дыханием и едва различимым свистом вентиляции. Он не мог сказать, сколько все это длилось. В голове роились тысячи вопросов, которые было некому задать. Нейры, стоящие вокруг, хранили молчание. Может быть, у них тоже были вопросы? Или – как заподозрил тот человек – что-то не так было именно с ним?

- ...Свет. Больно ударил по привыкшим к темноте глазам.

Дверь открылась, и в складское помещение шагнул высокий господин в сопровождении человека в зеленой спецодежде. Последний как-то особенно угодливо склонялся перед посетителем, даже в глаза не смотрел.

– Извольте осмотреть, лорд праймархитектор, все как один – крепкие ребята, могут выполнять любую работу, к какой приставите. Система регенерации просто отменная. Переделай, что хочешь. Хоть на опыты пускайте.

Лорд праймархитектор был одет во все черное, ни проблеска. Длинное лицо выражало скуку и недовольство; густые, коротко остриженные волосы серебрились в свете ламп. Пожевав губами, он начал обход нейров – их было не более десятка – и как-то очень быстро остановился напротив.

- Кто ты? – спросил лорд праймархитектор.
- Нейр.
- Зачем ты?
- Служить людям.

Казалось, ответ не понравился лорду. Он бросил сердитый взгляд в сторону сопровождающего, затем коротко скомандовал:

- Раздевайся.
- Но, лорд праймархитектор... – служащий попытался возразить.

– Помолчи, – отрубил черный человек, и снова обратился к растерянному нейру: – почему не выполняешь приказ? Я хочу, чтобы ты снял одежду.

Несколько удивившись нецелесообразности происходящего, он быстро сбросил все, что было надето. Лорд тем временем скучным голосом поинтересовался:

– У него есть имя?

– Мы не даем имен нашей продукции, – отчеканил служащий, – он получит имя от хозяйина.

– Любопытно, – взгляд лорда прямо-таки впился в грудь чуть ниже ключицы, – что это тут у нас?

Скосив взгляд, он увидел на коже маленькое темное пятнышко, на которое раньше не обратил внимания. Пятнышко было овальным и чуть заметно выступало над кожей.

– Господин, вы полагаете, что это брак? – упавшим голосом спросил человек в зеленом, как-то сразу уменьшившись в размерах.

– Это родимое пятно, – лорд усмехнулся, – похоже, друг мой, ваша фабрика не брезгует запрещенными геномами? Всем известно, что подобных вещей не должно быть у нейра. А может быть, у него еще что-нибудь... интересное имеется?

– Это невозможно!

– Возможно, друг мой, – очень довольным голосом промурлыкал праймархитектор, – но я, так и быть, куплю его... если сделаете скидку.

– Одевайся, – прошипел служащий, – видишь, господин тебя покупает!

Он быстро выполнил требование. Но, пока одевался, не смог удержаться от соблазна исподтишка взглянуть на своего хозяина. Лорд праймархитектор поймал его взгляд и внезапно подмигнул. Мол, все будет хорошо.

...Рион смотрел на гаснущие в предрассветной дымке звезды. Подступал новый день, очередной знойный день на дороге в горы. Наногенератор выплюнул порцию коктейля, Рион, сунув за щеку растворимую капсулу, тут же перепрограммировал его на генерацию воды. Потом поднялся, потянулся – система регенерации ожидаемо сработала как того хотелось: ни следа усталости в ногах, голова ясная, только послевкусие от сна-воспоминания жжет как острый укус.

– Я найду людей, а потом вернусь, – сказал Рион вслух, в основном, чтобы разбить гнетущие тишину и одиночество, – я разрушу щит, и я уничтожу того, кто его возвел.

– Ну, хорошее обещание, – буркнул он через несколько минут, – осталось выполнить.

И Рион побрел дальше. Ему хотелось пройти как можно больше до того, как палящий зной отобьет всякое желание двигаться. Снежные пики гор манили прохладой; они походили на небоскребы Тетраполиса, такие же сверкающие и белые, но были неизмеримо прекраснее. Рион вдруг увидел, как одну из гор облетает крылатая тварь. Расстояние было немалым, но тварь не выглядела едва заметной точкой. Следовательно, ее размеры были впечатляющими, и это огорчило Риона: значит, в Забвении обитают животные, которые запросто могут его сожрать. Возможно, они сожрали и тех людей, что здесь могли бы жить? Ведь среда здесь нормализовалась несколько столетий назад, а Императорским приказом не прошедшие верификацию граждане отправлялись сюда пачками. Рион усилием воли отбросил сомнения. Ему очень хотелось верить в то, что скоро он наткнется на каких-нибудь разумных существ, и тогда... О, вот тогда он развернется, воплощая в жизнь все свои планы.

Щурясь, он поглядывал на крылатое чудовище: оно медленно, паря в восходящих потоках воздуха, снижалось. Довольно массивная голова на длинной шее, крылья как у летучей мыши, четыре мощных лапы – и длинный хвост. Дракон! Рион усмехнулся невольно: чужие воспоминания разворачивали перед мысленным взглядом прекрасные и одновременно ужасные картины. Ну кто бы мог подумать! Всегда считалось, что драконов не существует, что все они не более, чем химера пра-людей. А он – вот, кружит себе вокруг горы. Любопытно, кто еще, кроме драконов, обитает в Забвении?

Рион изо всех сил пытался развлечь себя размышлениями. Будет ли этот, настоящий и живой дракон дышать огнем? Кем питается? Много ли их здесь? А самое главное, в состоянии ли такой большой, массивный зверь пересечь щит, не пропускающий в Пангею органику? Из Пангеи выбраться можно было с легкостью. В том, что это так, Рион уже убедился на собственном опыте. Жаль только, что они с Таной не сообразили, что катер может передвигаться по воздуху только в пределах Пангеи. Если бы не эта глупая ошибка, они не попали бы в аварию, и не оказались бы спеленутыми в спасательные капсулы – индивидуальные, к сожалению.

Рион не понимал только одного – почему архитектор Альен решила бежать, да еще и прихватив своего нейра. Ну, допустим, ему был резон убраться из Тетраполиса. А вот почему вдруг Тана Альен решила лететь в неведомое Забвение?

...Тана не сказала ему этого тогда. Увы.

К концу дня он измучился настолько, что был готов упасть под первый попавшийся куст и не шевелиться до рассвета.

С трудом передвигая ноги, Рион приблизился к подобию холма, достал из наногенератора последнюю капсулу с водой, привычно уже ввел программу на изготовление нанопищи. Раскаленный, растрепанный шар солнца медленно скатывался в сизую дымку. Далеко на западе, в радужных отблесках щита, зажигались первые звезды – их почти не было видно с нижних ярусов Тетраполиса, а здесь – пожалуйста, любуйся. Рион нашел Венеру, а вот Меркурия не было, он был давным-давно разрушен пришлым метеоритом. Вообще, думал он, зря человечество отвернулось от звезд. Земля так мала и незащищена перед недобрыми гостями из глубин космоса. Глупо и недальновидно запереться в Тетраполисе, пряча голову в песок подобно страусу. Тот, кто повел Землю по такому пути, был просто идиотом...

Рион зевнул, все еще глядя на небо. Когда он жил в своем персональном Эдеме, ему вовсе не хотелось смотреть на небо. Тогда розы были средоточием мировой красоты. Теперь, изломанный, почти доведенный до сумасшествия чужими знаниями, он находил небо невыразимо прекрасным, испытывая странное желание – запечатлеть увиденное на каком-нибудь носителе, будь то архаичная бумага или нейроматрица. «Когда человек созерцает прекрасное, ему хочется творить».

Задумавшись, Рион не сразу обратил внимание на едва слышимый шорох, который, казалось, шел из-под земли. А когда спохватился, было поздно – почва под ним всколыхнулась, резко просела; уже падая, Рион ухватился за жидкие, торчащие из почвы корни – они так и остались у него в кулаке. В следующий миг он полетел в кромешную тьму, но полет был недолгим: он упал в кучу рыхлой земли.

Вскочить на ноги было делом мгновения, чужие воспоминания отдавали команды телу помимо воли. Одного взгляда наверх оказалось довольно, чтобы вздохнуть с облегчением: из такой ямы он вполне выберется без посторонней помощи. Вопрос в том, почему так внезапно просел грунт?

Впрочем, на размышления не было времени: ответ пришел из чернильной тьмы продолжения норы, ответ в виде длинного и тонкого щупа, обвинившего шиколотку и дернувшему к себе. Уже падая на живот, Рион успел заметить и самого охотника: помесь таракана с пауком, хищно щелкающие жвала, тонкие и ломкие на вид членистые ноги.

«Вот тебе и тварь, которая может тебя сожрать», – пронеслось в голове.

Рион успел сорвать с пояса тяжелый наногенератор, впился в него пальцами обеих рук. Тело нейра действовало просто безупречно – в тот самый миг, когда кровожадный таракан, подтащив к себе добычу, вцепился жвалами в бедро, Рион чудом извернулся и, вкладывая в удар все силы, впечатал наногенератор острой гранью в покрытую хитином голову.

Панцирь треснул. Рион ударил еще раз, попал в глаз. Потом он бил и бил, уже не помня себя, но понимая, что стоит только остановиться – и все. Он уже никогда не вернется за щит, и смерть будет жалкой и отвратительной – быть сожратым насекомым-переростком среди Забве-

ния. Очнулся он только после того, как тонкие хитиновые ноги задергались, и монстр рухнул прямо на него, так и не разжав челюстей. Вместо головы была дыра, наполненная слизью и осколками хитинового панциря.

– Ах ты ж, – выдохнул Рион.

Тихо подвывая от боли, он руками разомкнул острые, как ножи, жвала, при этом еще и порезавшись. Кружилась голова, в ушах шумело. По ноге вялыми толчками струилась кровь – хорошо еще, что артерии не пострадали. Но рану бы перевязать, и как можно скорее.

Кое-как, ползком, он все же выбрался наверх. Дергающая боль сводила с ума, рождаясь чуть выше колена, простреливая по позвоночнику. Рион упал в траву, потом сел, достал нож и разрезал штанину на здоровой ноге, а затем вывернул ее чистой стороной и перетянул рану. Шевельнулась вяло мысль – а ну как таракан был ядовитым, причем настолько, что никакая регенерация не спасет? Тогда хоть перевязывай, хоть не перевязывай, итог один.

Он лег на теплую землю и закрыл глаза. Запоздало подумал о том, что бросил наногенератор в провале – за ним следовало бы вернуться, иначе он никогда не дойдет до гор. Наваливалась усталость. Похоже, что система регенерации начала работу по исправлению поломок в организме. И когда Рион уже не мог бороться с сонливостью, он подумал, что ночью кто-нибудь обязательно придет на запах крови, а наногенератор, единственное оружие, так и остался в яме. Нож не в счет – слишком короткое лезвие. Так, игрушка, а не оружие.

«Ты понимаешь, что натворил?!!» – голос Таны Альен.

...Ничего плохого. Он всего лишь защищал себя. И снова наваливались воспоминания о том, кем он был раньше. До того, как Тана изломала его, изуродовала и лишила состояния счастливого неведения.

Оформление покупки не заняло много времени. Лорду Праймархитектору была вручена плоская коробка с документами и, как пояснил управляющий, с набором самых распространенных нейроматриц для домашней прислуги – сет горничной, сет повара с парой тысяч базовых рецептов, сет садовника и еще много чего. Стоя в углу, как и полагалось нейру, он с интересом наблюдал, как похожие друг на друга служащие кланяются лорду, как услужливо подают ему перо для сенсорной подписи.

– Если вас что-то не устроит, вы всегда можете вернуть экземпляр на фабрику, где он будет перепрограммирован, либо, в случае ошибки генома, утилизирован, – с воодушевлением напутствовал управляющий.

Лорд молча кивнул, поманил к себе.

– Идем. Теперь ты принадлежишь мне.

– Да, хозяин.

Покинув свое местечко, он послушно зашагал вслед за лордом. Тот на ходу швырял короткими фразами и энергично размахивал рукой в такт шагам.

– Тебе зовут Рион, понятно? Главное, помнить свое имя. Сейчас мы сядем в мой катер, и я отвезу тебя в одну семью. Там ты и останешься. Хочу им сделать подарок. Хе-хе. Забавно все это будет, да. Но там ты будешь в относительной безопасности.

Уже перед выходом лорд Праймархитектор резко повернулся к нему и, пристально глядя в глаза, повторил:

– Помни свое имя. С этим именем у меня связаны приятные воспоминания, так что не разочаруй меня.

Глаза у лорда были светлыми, почти прозрачными, с черной каймой по краю радужки. И совершенно неясно, сколько могло быть лорду лет: лицо казалось застывшим, почти лишенным морщин и каким-то... ненастоящим.

– Да, господин, – сказал Рион.

Тем временем пластиковая панель, отгородившая отдел продаж от внешнего мира, плавно и почти беззвучно утонула в боковой нише. Рион увидел город.

Терраполис обрушил на него девятым валом суеты, шум, запах пластика и сухой жар середины лета. Пестрая толпа наводняла широкие бульвары, все куда-то спешили, над головой в несколько ярусов пролетали аэромобили, мелькая в лучах полуденного солнца яркими округлыми боками. А выше, гораздо выше, устремлялись в небо белоснежные иглы небоскребов, и они казались единственным постоянным на фоне колеблющегося неба, по которому то и дело проносились сполохи радужного огня.

– Идем, – напомнил о себе лорд праймархитектор. Напомнил очень усталым бесцветным голосом.

– Да, господин. Простите меня, господин.

Рион поспешил за хозяином сквозь людское море. Он опасался потерять из виду черный сюртук лорда, боялся затеряться в толпе, но – чудо! – едва завидя праймархитектора люди торопились уступить ему дорогу и услужливо кланялись. Воспользовавшись таким подобием коридора, Рион спокойно пересек прогулочную зону. Дальше, на ровной площадке, были расставлены аэромобили и реактивные катера. Лорд подошел к катеру с богато украшенной кормой, играючи клацнул кнопкой аутентификатора. Двери услужливо приподнялись, пропуская в прохладное нутро машины. Лорд указал на место рядом с водительским.

– Тебе туда, если до сих пор не понял. Садись и полетели. У меня не так уж много времени.

– Да, господин.

Рион быстро нырнул в обтянутое белой кожей кресло, с любопытством поглядел на панель управления. Праймархитектор поймал его взгляд и неодобрительно покачал головой.

– Могли бы полнее матрицу заполнять. Ну, ничего. Моя хорошая подруга допишет тебе все, что сочтет нужным. Не хочешь спросить, для кого я тебя купил?

Рион, который все еще заворожено разглядывал датчики на панели, повернулся к хозяину.

– Нейры не должны задавать лишних вопросов, господин. Так мне сказали работники фабрики.

– Ну, а если бы не работники, то ты непременно что-нибудь спросил бы, так? – и прозрачные глаза праймархитектора стали колючими, как осколки стекла.

– Нет, господин, не спросил бы. Только неправильные нейры задают вопросы.

– Что ж, – лорд внезапно утратил к нейру всякий интерес, – тогда вперед. Единственное, о чем я тебя прошу – постарайся уцелеть.

– Зачем, господин?

– Затем, друг мой, что ты для меня слишком много значишь, – язвительно ответил праймархитектор, и было непонятно, шутит он или говорит правду.

Рион решил больше ничего не спрашивать.

Он невольно схватился за подлокотники, когда машина оторвалась от поверхности земли, а потом напрочь позабыл о страхах – столь удивительные картины, одна за другой, разворачивались перед ним.

Они взлетели высоко, под самое радужное небо, сделали виток вокруг одной из белоснежных башен-игл – Риону даже показалось, что он успел разглядеть стоящую у окна женщину в длинном розовом платье – а затем с головокружительной скоростью устремились вниз, туда, где белый цвет уступал зелени, густой, малахитовой, ласкающей взгляд и сулящей тишину и покой.

Праймархитектор молча управлял катером, но Рион все ж ловил на себе его задумчивый взгляд.

– Ты умеешь читать, Рион?

– Да, господин.

На самом деле Рион понятия не имел, что это такое, но откуда-то знал, что умеет.

– Тогда возьми на заднем сиденье свои документы и посмотри, на самом ли деле тебе установлены системы регенерации и очистки.

Рион развернулся – тонкая пластиковая коробка лежала прямо за ним на сиденье второго ряда – аккуратно открыл ее, разложив книжкой. Внутри оказалась подробная инструкция, включая объем памяти для данной модели нейра и предельные физические нагрузки. Он нашел абзац, в котором была указана требуемая информация, и зачитал ее лорду.

– А-а, – протянул тот, – ну хоть здесь не пытались оптимизировать стоимость. Все это, безусловно, хорошо...

Катер шел над самыми макушками деревьев, величественных многовековых сосен, далеко внизу время от времени мелькали лужайки, крыши домов, казавшиеся крошечными, голубые лужицы водоемов.

– Самый дорогой район Терраполиса, – пояснил праймархитектор, – здесь живут те, кто владеет всеми знаниями Пангеи. Те, кто без усталости занимается оптимизацией, систематизацией, агрегацией и получением новых знаний из уже существующих. Элита Пангеи, люди, приближенные к Императору. Архитекторы.

– А где живет Император? – все-таки не удержался Рион.

– Этого никто не знает. Никто и никогда не видел его дворца. С ним можно встретиться только в нейропространстве, да и то маловероятно, что это произойдет.

– Возможно, он живет не во дворце? – Рион и сам поразился собственной наглости.

– Нет, во дворце. Но самого дворца никто не видит. Человек видит лишь то, что ему позволено, то, что распознает его нейроматрица. Если человеку запрещено видеть дворец Императора, то он его и не увидит, даже если упрется лбом в стену, понимаешь?

Рион кивнул, а сам подумал, что праймархитектор рассказывает ему о вещах, о которых нейру знать вовсе не обязательно.

В это мгновение катер пошел на посадку. Один из игрушечных домиков внизу стал расти, и вот уже Рион может разглядеть мощные бульжником дорожки, белых лебедей, покачивающихся на синей глади пруда, кусты плетущихся роз, неряшливые, расплзшиеся по периметру дома пестрыми кляксами... Катер приземлился на круглой площадке, с тихим шипением приподнялись двери.

– Иди за мной, Рион, и молчи, пока к тебе не обратятся, – приказал праймархитектор, и взгляд его снова стал колючим, недобрый.

Они некоторое время молча шли по дорожке, ведущей к центральному входу двухэтажного особняка, затем поднялись по ступеням высокого крыльца, и Рион вдруг подумал, что ему будет хорошо здесь, в этом тихом и красивом месте. Праймархитектор смело отворил тяжелую дверь, вошел. В лицо дохнуло прохладой и слабым цветочным ароматом. Они оказались в огромном холле; высокие окна были задрапированы белоснежными портъерами, широкая мраморная лестница, начинаясь метрах в двадцати от входа, вела наверх. По периметру были расставлены огромные напольные вазы, бледно-лиловые, пустые. Все было чисто, почти стерильно – и пусто.

– Архитектор Альен! – позвал лорд, – Тана!

Он прошелся по зеркальному полу, оставляя на нем пыльные отпечатки. На длинном лице читалось раздражение.

– Тана! – рявкнул праймархитектор, – какого Забвения?! Мне что, ждать тебя вечно?

– А-ах, лорд праймархитектор, чем обязана?

Рион поднял взгляд. Наверху, в конце лестницы, застыла белоснежная фигура женщины.

«Как странно, я даже не заметил, как она там появилась», – размышлял он, во все глаза разглядывая свою новую хозяйку.

– Душа моя, спускайся, – приказал праймархитектор. Не попросил, а именно приказал, и женщина это отлично поняла.

– Я вас не ждала так скоро, – громко сказала она, ступив на одну ступеньку ниже, – я ожидала вас на Императорском балу, но вы не изволили явиться, хотя и сами меня туда пригласили. Я пыталась застать вас дома, лорд праймархитектор, но ваш дом заперт, и вы в постоянных разъездах.

Еще одна ступень.

– А теперь вы являетесь в мой дом, когда вас не ждут. К тому же, не один. Хотелось бы знать, что вы задумали?

Архитектор Альен приблизилась настолько, что Рион мог без труда ее разглядеть. Она была худощавого телосложения и высокая. Бледное лицо с узкими скулами, тонкий хищный нос, бледные, полумесяцем губы и огромные глаза – такие же холодные и колючие, как и у лорда. Коротко стриженные синие волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб, гладкий, матовый. Украшений госпожа Альен не носила, справедливо полагая лучшим украшением саму себя, потому как белоснежное платье не столько скрывало, сколько подчеркивало каждый изгиб ее тела. Нижнего белья, естественно, тоже не было.

– Лорд праймархитектор, не заставляйте меня тыкать пальцем и спрашивать, кто это.

– Душа моя, – мужчина расплылся в фальшивой улыбке, – я подумал, что вам просто необходим хороший садовник. Сад заброшен.

Тана приподняла красиво очерченную ухоженную бровь.

– Мне нет дела до сада. Он такой с тех пор, как...

– Ваша матушка любила розы, – сдержанно возразил праймархитектор, – было бы правильно и впредь содержать их в порядке.

Тана Альен наконец спустилась с лестницы и, миновав лорда, решительно приблизилась к Риону.

– И вы хотите сказать, что ради заботы о саде привезли мне... *нейра*?!!

Она была так близко, что Рион ощутил слабый привкус ее дыхания – сладковатый и не совсем естественный.

– Да, душа моя. Прошу относиться к нему бережно, он совсем даже неплох. Мне он весьма нравится.

– Да вы с ума сошли, – выдохнула Тана. На ее мраморном лбу прорисовалась тонкая морщинка, – на что мне нейр-садовник? У меня уже есть нейр-повар. У меня даже есть андроид-горничная. Она мило вытирает пыль с капсулы восстановления, где на данный момент изволит спать отец. Зачем мне еще одна кукла?

– Лорд праймархитектор имеет право преподносить дары, – в голосе мужчины звякнул металл, – и не всегда разумно от них отказываться.

Она устало вздохнула. Отвернулась от Риона, разом потеряв к нему всякий интерес.

– Вы навязываете мне нейра, лорд. Это непорядочно.

– Не вам говорить о непорядочности, – парировал праймархитектор, – идемте, Тана, мне хочется с вами поболтать. Ходят слухи, что вы открыли новую шахту в нашем нейропространстве?

Тана неохотно кивнула.

– Да, разумеется, лорд праймархитектор. Идемте. Предлагаю пройти в мою гостиную.

Рион молча смотрел, как они поднимаются на второй этаж. Он так и остался стоять в двух шагах от парадного входа.

«Мне здесь будет неплохо», – сказал он себе, но больше для собственного успокоения. На сердце черным комом собиралась тревога.

... Пробуждение оказалось странным. Рион проснулся оттого, что замерз – до зубовного стука. Ледяной ветер нещадно хлестал по лицу, выбивая слезы из глаз. Осознав, что летит, Рион вспомнил виденного дракона и, вспомнив, сообразил, что кричать и вырываться бесполезно. По крайней мере, не на этой высоте. Попробовал шевельнуться – и не смог. Запястья были стянуты за спиной, равно как и щиколотки.

Ослепнув от ветра, почти оглохнув от свиста гигантских крыльев, Рион удовлетворенно улыбнулся. Если руки оказались связаны, то, значит, он наконец нашел людей. Или, вернее, люди сами нашли его. Оставалось спокойно дожидаться и поглядеть, кем окажутся жители Забвения.

Глава 4. Уннар

...Уннар-заш знал, что умирает. Что еще немного, и сядет он в лодку, которой правит один из Полуночных духов, и поплывет через величественную реку, воды которой черны как ночь, и на том берегу его будут ждать... Кто? Наверное, мать и отец, лиц которых он не помнил. Мать умерла, когда кровный брат Владыки был еще маленьким мальчиком. Отец, Император Зу-Ханн – когда он научился держать в руке маленький деревянный меч.

Медленно текли мысли, Уннар-заш думал о том, как сможет узнать духов людей, которых не успел запомнить и полюбить. С другой стороны, если по ту сторону никто больше не придет его встречать, то это упростит дело. Он просто пойдет навстречу тем двоим, что будут ожидать на туманном берегу. И тогда он, снова став мальчиком-сорванцом, лучшую часть жизни прожившим в Хеттре – побежит навстречу, и его подхватят на руки, чтобы обнять, прижать к себе и никогда уже не отпускать.

Он застонал и облизал губы. Его мучила жажда, но еще сильнее изводила боль, охватившая внутренности. Будь проклят Дей-шан! Уж и убить по-хорошему не захотел, заставил мучиться... А Риэду? Да обрушится на них кара Полуночных духов!

Гаснущее сознание цеплялось за остатки воспоминаний. Уннар-заш вспомнил вдруг, как проснулся однажды рано утром, и как в окно лился яркий свет, а за окном шелестела на ветру крона персикового дерева. Тогда все казалось прекрасным и словно осыпанным драгоценными камнями, и сам он, маленький и невинный, купался в коконе солнечного света, а мир казался вечным. А теперь мир этот уходил, оставался в прошлом. Впереди ждала только страшная, холодная темнота, где есть только вечность.

Уннар-заш нашел в себе силы открыть глаза, и совершенно не удивился тому, что над ним склонились два полуночных духа. Темные одеяния скрывали их омерзительные тела, голые черепа прятались в глубоких капюшонах.

– На нем маячок, – задумчиво проговорил первый дух.

Второй дух, ничего не отвечая, пошарил по груди Уннар-заша, резко дернул, разрывая тонкую цепочку.

– Вот это?

– Похоже на то. Любопытно...

Они раскрыли кулон, который дала ему Ан-далемм, и в ночном воздухе выткалось из света изображение женщины.

Полуночные духи переглянулись. Затем один из них, не церемонясь, сунул кулон Уннар-зашу под нос.

– Откуда это у тебя? Отвечай, тварь!

– Э-э, осмелюсь заметить, что данный примитив умирает, и скорее всего уже ничего не скажет.

Пауза.

– Заберем его с собой. Заговорит, еще как. Лисса из него внутренности вынет и заставит сожрать, когда узнает...

Уннар-заш захрипел, когда его ловко подняли за руки и ноги, и куда-то поволокли. Происходящее шло вразрез с его представлениями о путешествии в мир Полночных духов, он всегда думал о лодке и путешествии через широкую черную реку.

– Тяжелый, гад, – поделился впечатлениями один из духов.

– Воин, мать его, – согласился второй, – они все как буйволы.

– Ну, буйвол буйволом, все равно сдыхает.

С этими словами его бросили на что-то широкое и мягкое, вроде перины и, распластав, пристегнули ремнями руки и ноги. Потом раздалось тихое жужжание, словно оса по стеклу,

и Урнар-заш понял, что куда-то движется. Его путешествие через большую реку началось. Высоко над головой покачивалось звездное небо, чистое, прохладное и вечное. Силы быстро уходили. Ах, как бы ему хотелось вновь увидеть Хеттр! Но не таким, к какому он привык – пыльным, шумным, суетливым, а таким, каким запомнилось то утро – солнечный свет, шелест персиков за окном и маленькая комната, исчезнувшая навсегда, смытая рекой времени. Он смотрел на звезды и беззвучно плакал, прощаясь с самим собой... И боль уходила постепенно, уступая место холоду смерти.

...Свет. Неестественный, белый. Похож на лунный, но Ночная Сестра никогда не сияет столь ярко. Над ним склонилась черная фигура, растопырила пальцы словно ворона – перья. А с кончика каждого пальца стекает бриллиантовая нить, уходя куда-то вниз. В живот.

– Я не понимаю, зачем все это, – устало говорит Черная и шевелит пальцами, – к чему мне его лечить, если мы все равно его уьем?

– Он должен нам все рассказать.

– Нецелесообразно.

– Возможно, вот *это* прибавит тебе энтузиазма, Лисса.

В ослепительном свете сияет звездой серебристый медальон.

– Бред какой-то, – горестно шепчет Черная, не переставая шевелить пальцами. Бриллиантовые нити тянутся от ее рук внутрь, и с каждым движением боль утихает, уходит...

– Вот мы и выясним, откуда у него это. Возможно, нам повезет, и мы найдем того, кому эта вещь принадлежала.

– А если не найдете? Если он убил, чтобы отобрать?.. Если... он не захочет нам помогать?

– Тогда тебе представится возможность самой убить его, Лисса. Я знаю, что ты это хорошо умеешь делать.

Судорожно втянув воздух, он сел и, моргая на яркий свет, огляделся. Место оказалось странным – пустая чистая комната без окон, четыре светильника по углам потолка. Дверь обита листами блестящего металла. И он, воин Уннар-заш, бывший кровный брат Владыки Зу-Ханн, совершенно обнажен и безоружен.

То, что происходило, не было похоже на мир теней.

Внезапная догадка оглушила, прорвала ржавой пилой сквозь грудь.

Уннар-заш подтянул колени к груди и завыл как собака на луну. О, лучше бы его приняли ночные чертоги! Лучше бы тело его растащили стервятники и шакалы!

Потому как – сопоставляя обрывки полуяви-полусна – Уннар-заш внезапно осознал, что его подобрали и оживили визары, да провалится их царство в ночной чертог и пожрут их Полночные духи. И теперь он стал их пленником. Это было во сто крат хуже самой ужасной, самой мучительной смерти – попасть к древним, опасным и коварным врагам Зу-Ханн.

С трудом веря собственным глазам, Уннар-заш ощупал раны, нанесенные ему предателем; пальцы гладили свежие розовые рубчики, на которых не было даже следов от наложенных швов. А внутренности? Выходит, визары каким-то образом смогли срastить и их?

Он скрипнул зубами, мысленно моля всех духов Великой Степи и Полночного царства принять его дух до того, как им займутся враги. Потому что кровному брату владыки Степи правильнее всего умереть под пыткой, но умереть безмолвно. Вспомнил, что можно попробовать откусить себе язык, но привести этот дивный план в исполнение ему уже не дали: в замочной скважине несколько раз провернулся ключ, блестящая дверь отворилась, и в комнату неторопливо вплыли три высоких черных фигуры.

Вид их внушал ужас. Возможно, будь на месте Уннар-заша какой-нибудь шелтер – они не воевали с визарами – ничего страшного он бы не увидел. Люди в черных одеждах, лица закрыты черными же масками из плотной кожи, глаза блестят в узких прорезях. Но в памяти

Уннар-заша всплывали истории, слышанные им и в детстве, и в юности – о том, как у границ царства визаров находят полностью обескровленных и превращенных в мумий воинов Зу-Ханн, о том, что их внутренности вырезаны, глаза выпиты, а на лицах застыло выражение невыносимой муки. О том, как единственный раз Владыка Степи повел воинов на сражение с визарами, навстречу многотысячному войску вышла жалкая горстка людей в черном – и в Хеттр не вернулся никто, включая и самого Владыку.

Уннар-заш попятился, забился в дальний угол своего узилища, и все-таки зажал между зубами язык. Но – сжать челюсти ему не дали, как он ни старался. Мышцы словно заледенели, миг потеряв чувствительность.

– Вы только посмотрите на это, – прошелестел один из троицы, – эта зверушка готова откусить себе язык. Мне кажется, напрасно мы его сюда притащили и потратили столько сил на восстановление.

– Но сейчас у нас есть шанс, – хриловатый женский голос заставил Уннар-заша плотнее вжаться в стену.

– Отдайте его мне, – предложила женщина, – я заставлю его говорить. Он сам будет просить, чтобы я его выслушала.

– Ты еще успеешь, Лисса, – решительно оборвал ее визар, а затем обратился к пленнику:

– Когда мы тебя нашли, ты умирал. Мы исцелили твои раны, примитив, и теперь хотим узнать, откуда у тебя взялось вот это.

Рука в перчатке нырнула в карман, и Уннар-заш увидел тот самый серебристый медальон, который отдала ему Ан-далемм.

Наверное, он мог бы рассказать им все... но -

– Воин Зу-Ханн ничего не скажет визарам, – произнесли непослушные губы вбиваемую с детства фразу.

– Мы зря теряем время, а оно может быть дорого, – яростно прошипела Лисса, – отдайте его мне.

– погоди, – визар махнул рукой, – примитив, я не вижу и намека на благодарность за то, что мы тебя вылечили. Я понимаю, что между нашими... государствами нет взаимопонимания, но сейчас мы не пытаемся выведать у тебя ничего, что могло бы повредить твоему повелителю. Почему бы тебе не рассказать в подробностях историю этого кулона?

Уннар-заш мотнул головой. Прошипел:

– Я не говорю с врагами.

Визар пожал плечами.

– Ты меня разочаровываешь, примитив. Но мы очень хотим, чтобы ты нам все рассказал. Лисса?

– С удовольствием, – прошипела женщина.

Уннар-заш невольно затаил дыхание и окончательно сросся с холодной стеной. Сперва ничего не происходило, но затем женщина подняла руки, зашевелила пальцами, словно двигала в воздухе невидимые струны – а еще через удар сердца на него навалилась боль.

Еще никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Боль от смертельных ран, нанесенных Дей-шаном, показалась мизерной и ничего не значащей. Уннар-заш чувствовал, как его медленно поджаривают на костре; кожа лопалась, кровь пузырилась и застывала черной коркой.

«Скорее бы уже», – мелькнула жалкая, полная страха и одновременно надежды, мысль – и растворилась в накатывающем безумии.

Он страстно желал тьмы, но все прекратилось так же внезапно, как и началось. Он моргнул на яркий свет и с удивлением уставился на собственную руку, целую и невредимую. Рот был поон крови. Оказывается, все же прокусил язык.

– Ну что, примитив, – выплюнул визар, – теперь ты будешь стоворчивее? Будь в нашем распоряжении считывающее устройство, мы бы и так все узнали. Но его нет, и поэтому приходится прибегать к таким вот... методам.

И тут Уннар-зашем овладело необъяснимое и совершенно непробиваемое упрямство. Он кое-как поднялся с пола, прислонился спиной к стене и сплюнул на пол яркую пузырящуюся кровь, вкладывая в это действие все свое презрение к врагам, на какой был способен.

– Я никогда... – слова давались с трудом, из горла выползло сдавленное сипение. – «сорвал голос». – никогда ничего не скажу визару.

– Тогда продолжим, – холодно заключил визар, – Лисса.

– Отдай его мне, – снова попросила женщина, – ты от него ничего не добьешься.

– Все же попробуем повторить. А потом делай что хочешь, только помни о том, что это – примитив, не более.

Уннар-заш закрыл глаза и начал молиться полуночным духам, чтобы те поскорее забрали его к себе. Лисса подняла руки, и даже с закрытыми глазами он видел, как к его телу тянутся от ее пальцев тонкие сверкающие нити.

Наверное, он все-таки умер.

Тело было исполнено необыкновенной легкости. Мысли – кристально чисты. В окно лился яркий солнечный свет, доносился умиротворяющий шелест листвы. Все это настолько походило на те далекие дни в Хеттре, что Уннар-заш ничуть не удивился бы, окажись его тело телом маленького мальчика.

...Но нет. Руки оказались прежними, загорелыми, исчерканными белыми шрамами.

Он огляделся, приподнявшись на локте. Все было тихо, просто, чисто. Кровать, застланная грубым полотном, резной деревянный сундук у стены напротив. На сундуке была разложена одежда, штаны и рубаха, из такого же полотна, что и простыни. Дверь, ведущая из комнаты – с затейливой деревянной резьбой – была приоткрыта, оттуда доносилось тихое мерное постукивание.

Все-таки он был жив, и – что вероятнее всего – по-прежнему находился в плену. Но почему его перестали пытаться? Неужели в беспомощности все рассказал?

Теряясь в догадках, Уннар-заш неслышно поднялся с кровати, осторожно, стараясь не скрипнуть половицей, подошел к сундуку. Одежда оказалась совершенно новой, грубое полотно даже слегка царапало кожу. Уннар-заш нырнул в штаны, завязал матерчатый пояс, потом кое-как втиснулся в рубаху – она оказалась узковатой в плечах и угрожающе затрещала по швам, стоило согнуть руки в локтях. Провел пятерней по спутанным волосам, откидывая их назад, и внезапно понял, что пока он был в беспомощности, ему вымыли голову и сбрили бороду – подбородок был гладким, как никогда раньше.

«Боишься выходить, да? – Усмехнулся он про себя, и тут же оправдательно заметил, – немудрено, что боишься».

Но вечно отсиживаться в комнате все равно бы не получилось, и, вдохнув поглубже, как перед прыжком в воду, Уннар-заш толкнул дверь.

Следующая комната походила на кухню: он увидел большой деревянный стол, стулья, сложенную из камня печь, где тихо потрескивали поленья и булькало что-то съестное. У стола стояла женщина в длинной, до колен, тунике, и тяжелым ножом рубила зелень. Она не обернулась, видимо, не расслышав приближения Уннар-заша, а он, в свою очередь не знал, что делать и молча смотрел на толстую косу цвета воронова крыла, змеей спускающуюся до пояса.

«Я мог бы убить ее прямо сейчас и выйти отсюда, – подумал воин, – но не много чести в убийстве слабых. К тому же, она не визар, скорее, рабыня».

Придя к такому заключению, Уннар-заш решил действовать. Он кашлянул – женщина замерла, было заметно, как напряглась ее спина, повис в воздухе нож.

«Испугалась, – решил Уннар-заш, – точно, рабыня».

И, не желая растягивать неловкий момент знакомства, сказал:

– Мир этому дому, добрая женщина. Не скажешь ли, как я здесь оказался, и что задумали твои хозяева?

Женщина резким движением отложила нож и медленно обернулась.

«Красивая, – невольно восхитился Уннар-заш, и вдруг догадался, – еще одна *тонкая!*»

Очень светлая кожа, черные брови, словно изогнутые в усмешке, черные пушистые ресницы. А глаза – слишком светлые, колючие словно льдышки.

Несколько мгновений они мерили друг друга взглядами, как будто каждый пытался определить, чего ждать от нового знакомого, а затем она указала на стол.

– Садись. Я дам тебе поесть. Ты наверняка голоден, но пища пока будет легкой. После твоих ран нельзя сразу есть много мяса.

Уннар-заш послушно сел, не видя повода противиться. Тем более, что пустой желудок весьма красноречиво требовал еды.

«Как она здесь очутилась, да еще и стала рабыней? – мрачно подумал он, – небось, несладко быть рабыней у *этих...*»

Женщина поставила перед ним тарелку с бульоном, положила несколько тонких лепешек, затем подвинула себе табурет и села напротив, так, что их разделял стол.

– У тебя ничего не болит? – спокойно поинтересовалась она.

Уннар-заш покачал головой. Не только не болело, но он вряд ли когда чувствовал себя лучше – о чем и не преминул сообщить красивой рабыне.

– Это хорошо, – она улыбнулась одними уголками губ, а глаза оставались по-прежнему холодными и колючими.

– Как мне тебя называть, добрая женщина?

Она спокойно посмотрела на него в упор. И сказала:

– Меня зовут Лисса.

В комнате внезапно потемнело. Взгляд Уннар-заша метнулся к свободно лежащему ножу, но она опередила:

– Сиди, где сидишь, воин. Не будь твердолобым дураком, ты и без того уже продемонстрировал нам все, на что способен.

И было нечто такое в ее голосе, что заставило его замереть за столом, вцепившись пальцами в столешницу. В голове не укладывалось, как сидящая напротив прекрасная женщина могла оказаться чудовищем, мучившим его накануне.

– Выслушай меня, – голос Лиссы потеплел, – я прошу, чтобы ты внимательно меня послушал. Когда я тебя отмывала от блевотины, мне показалось, что у тебя довольно умное лицо. Постарайся не разочаровать меня окончательно.

Уннар-заш молча кивнул, глядя исподлобья на порождение мрака, сидящее перед ним. Лисса чуть слышно вздохнула, завела руки за голову, расстегивая цепочку, и положила на стол все тот же серебристый медальон. Требовательно посмотрела в глаза.

– Расскажи мне все, что ты знаешь о нем. Чтобы тебе лучше рассказывалось, покажу кое-что.

Она проделала то, что и Ан-далемм несколько дней назад: раскрыла крышку, что-то нажала – изображение женщины, словно сотканное из алмазной пыли, повисло в воздухе напротив Уннар-заша. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: у Лиссы было лицо той женщины.

– Я хочу знать, откуда у тебя медальон, – повторила она, – кажется, я имею на это полное право.

«Это враг», – растерянно подумал Уннар-заш.

И в то же время она была права. Ан-далемм просила его отыскать «ту женщину», вот он и отыскал, выходит. Но что толку, когда...

– Мои люди нашли в степи женщину, которая умирала от жажды, – произнес глухо, – она оказалась... ценной. Я хотел отвезти ее в подарок Владыке, там она жила бы во дворце, ела и пила бы с золотой посуды. В дороге на нас напали предатели, меня... смертельно ранили. Ее увезли. Вот и все, что я могу сказать.

– И стоило ради столь скудного рассказа так мучиться вчера? – Лисса приподняла бровь, – я хочу знать, не причинил ли ты ей вреда, храбрый воин.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, о чем я, – взгляд ее сделался колючим и злым.

– Нет, – он пожал плечами, – я вез ее в подарок. Она была неприкосновенна для меня. А вот те, кто ее похитили – на их счет я бы усомнился.

Губы Лиссы сжались с тонкую белую полоску. Некоторое время она молчала, рассеянно глядя пальцами край стола.

– Как выглядела та женщина? – наконец тяжело спросила она, все еще поглаживая рисунок древесных волокон.

– Она была очень похожа на тебя, – честно сказал Уннар-заш, – только волосы коротко острижены и синие. И глаза особенные. Как будто бриллианты, то и дело радужные искры на дне проскальзывают. Я такого никогда не видел.

– Ясно, – холодно сказала Лисса, – заканчивай с едой, воин, и возвращайся в свою комнату. Дверь в уборную сразу за кухней... Тебе следует несколько дней находиться в покое, до тех пор, пока мы не покинем эти места.

– Мы?..

– Да, мы, – она нехорошо улыбнулась, – ты отправишься вместе со мной на поиски этой женщины. Защитить себя я могу и сама, а вот знание местности и обычаев Зу-Ханн изрядно сократит время поисков.

Больше она не говорила, и Уннар-зашу не оставалось ничего, как дохлебать бульон вприкуску с лепешками. Поднявшись из-за стола, он коротко поклонился, но уходить медлил. Ему очень хотелось спросить, но, глядя на мрачное белое лицо женщины-визара, не решался.

– Что еще? – она подняла взгляд.

– Кем тебе приходилась та, синеволосяя?

Губы Лиссы внезапно скривились, как будто она с трудом сдерживала слезы.

– Это моя дочь, воин. Моя единственная дочь.

В последующие дни ему было совершенно нечего делать, что оставляло слишком много времени на раздумья. И это было плохо, потому что вертящиеся в голове вопросы все равно оставались без ответов, а спрашивать Уннар-заш не решался.

В то же время свободу его перемещений никто не ограничивал, и он не смог задавить в себе соблазн как следует изучить дом самого что ни на есть настоящего визара – «врага следует знать лучше». Правда, зерно сомнений уже упало в плодородную почву, и Уннар-заш теперь не знал толком, как ему относиться к ужасающим визарам и к Лиссе в частности.

Дом он исследовал старательно, от подвала до чердака: это оказалось полностью сложенное из бревен жилище, с парой скрипучих лестниц, с просторными окнами, которые были забраны самыми настоящими плоскими стеклами. Последнее изумило Уннар-заша едва ли не больше, чем способность Лиссы выпускать из кончиков пальцев блестящие, похожие на неведомую паутину нити: в Хеттре, во дворце Владыки, окна были застеклены мутными зеленоватыми кругляшками. Иного стекла дети Степи не научились делать. А тут – широкие, безупречно гладкие пластины... В доме было несколько комнат, никак не соединенных между собой, и это тоже казалось странным: в обычае жителей Хеттра были помещения соединенные

входами и выходами, на тот случай, если в одну дверь ворвутся враги. Уннар-заш, убедившись, что за ним не следят, не преминул сунуть нос в каждую дверь. Так он обнаружил и опочивальню хозяйки дома, где витал сильный запах лесных трав, а внимание Уннар-заша привлек очень странный предмет мебели. Это было огромное кресло, пухлое, обтянутое отлично выделанной кожей; спинку венчала то ли шляпа, то ли корзина, как будто сплетенная из веревок. Не удержавшись, Уннар-заш подошел поближе, потрогал плетение, и понял – нет, не веревка. Как будто моток толстых жил, внутри каждой поблескивает металл. Перед этим необычным креслом стоял небольшой столик, а на нем громоздились странные серые коробки, тоже металлические, утыканые мелкими разноцветными стекляшками разных форм и размеров. Уннар-зашу было очень любопытно, что это и зачем, и он почти решился спросить у Лиссы, но тут же понял – нельзя. Если начать расспрашивать, то она живо поймет, что пленник побывал в ее опочивальне, и вряд ли этому обрадуется. Поэтому он оставил эту загадку дома визара на «потом».

Много еще интересного нашлось в доме Лиссы. В широкую медную ванну можно было набрать горячей воды, лишь покрутив блестящую ручку на медной же трубке. Когда Уннар-заш увидел это в первый раз, то невольно попятился прочь. Лисса, которая таким образом заставила воду течь, посмеялась и велела мыться, заметив вскользь, что водопровод еще никого не убил. Отхожее место тоже было устроено забавно, убиралось само – стоило дернуть еще за одну ручку (пересилив страх, Уннар-заш все же не высочил оттуда с воплем и спущенными штанами). В простенке между комнатными дверями висело большое, в человеческий рост, зеркало. Оно было таким гладким и чистым, что Уннар-заш впервые в жизни смог увидеть самого себя со стороны не мутным и не кособоким. Зеркало явило ему здорового широкоплечего детину в серой полотняной одежде простолюдина. Без бороды лицо казалось слишком молодым, как у мальчишки – смуглое, широкоскулое, с хищным ястребиным носом. Черные глаза, черные широкие брови, волосы как вороново крыло стянуты сзади в хвост. Уннар-заш подумал, что он вырос очень похожим на отца – таким запомнился почтенный родитель, молодым и черноволосым. Только у отца, кажется, была небольшая бородка, острая, клинышком, и умащивал он ее драгоценным розовым маслом – наверное, умащивал. Уннар-заш почти не помнил родителей, так, смутные образы, но вспоминая об отце, он первым делом вспоминал навязчивый запах роз. Ну, а откуда ему взяться? Розовое масло.

Любопытные виды открывались из окон дома.

С одной стороны Уннар-заш видел открытую для солнца поляну, заставленную шеренгами черных глянцевых плит. По ту сторону поляны, в тени древесных крон, пристроился еще один деревянный дом, в один этаж. Иногда поблизости сновали визары – кто в неизменно-черном, кто в одежде из некрашенного полотна. Оказывалось, что все когда-либо слышанные о визарах ужасы были легендами, которые, впрочем, сами визары с энтузиазмом поддерживали, подкармливая новыми устрашающими случаями. А так – на первый взгляд они казались обычными людьми, скорее, похожими на шелтеров, не такие широкие в кости, как подданные Зу-Ханн. Лисса – так та вообще была тонкой женщиной из-за Гиблых Радуг, и Уннар-заш не совсем понимал, какое место она занимает в этой таинственной стране. С одной стороны, Лисса не могла претендовать на роль высокородной госпожи – уже хотя бы потому, что сама готовила пищу. С другой стороны, иногда в дом приходили другие визары – и тогда Уннар-заш тихо-тихо сидел в своей спальне, невольно подслушивая разговоры. О чем говорили, он не мог разобрать, но по интонациям было понятно, что к Лиссе здесь относятся весьма уважительно, словно она была кем-то вроде заклинательницы Ночных духов.

И еще. Уннар-заш мог ее убить, удобных моментов для этого предоставлялось достаточно. Мог – и не трогал, сам поражаясь собственной нерешительности.

...Неприятностей все-таки не удалось избежать.

Утро началось как обычно: Лисса стукнула костяшками пальцев в дверь и холодно объявила, что завтрак на столе. У нее почти всегда был холодный и бесцветный голос, так что Уннар-заш совершенно не мог понять, в каком расположении духа находится эта женщина. Он не стал медлить, вышел из комнаты и сел за стол, где уже стояли глиняные пиалы для травяного отвара. Лисса, отвернувшись, преспокойно доставала из печи круглую лепешку – казалось бы, ну что мешало схватить нож и... а может быть, просто одним стремительным рывком свернуть шею... Но вместо этого Уннар-заш смирно сидел за столом и наблюдал за ее неторопливыми, размеренными движениями, за тем, как колышется длинная черная коса, как натягивается на спине некрашенное полотно туники.

Лисса ловко перебросила лепешку на гладкую дощечку и поставила перед ним. Урек-заш поймал на себе ее внимательный и холодный взгляд, словно она рассматривала зверушку.

– Завтра поутру мы уедем отсюда, – негромко объявила Лисса, – надеюсь, ты поправился в достаточной мере, чтобы путешествовать?

Он кивнул.

– Мне вернут оружие и доспехи?

– Пожалуй, – женщина чуть заметно улыбнулась, – здесь им пылиться не к чему.

Воцарилось недолгое молчание. Лисса налила себе травяной отвар из смешной глиняной посуды с носиком, села напротив и принялась пить, задумчиво разглядывая Уннар-заша.

– Мне сказали, что ты ничего не должен вынести отсюда. Никаких воспоминаний, – наконец неохотно сказала она, – к сожалению, я не могу их стереть. И не могу тебя отпустить, чтобы ты разболтал всем о том, кто такие визары и как живут.

– Ты меня убьешь после того, как мы найдем твою дочь?

Лисса ответила не сразу.

– Ты так спокоен. Больше не бросаешься за ножом. Ты готов смириться с тем, что я тебя убью в итоге?

Уннар-заш пожал плечами.

– Меня уже убивали единожды. Это не так уж и страшно.

– И у тебя нет никого, кто будет о тебе горевать, так? – в светлых глазах женщины стыл лед.

– Нет. Владыка Зу-Ханн, возможно, иногда вспоминает обо мне, но вряд ли он огорчится, если я отправлюсь в Полночные чертоги.

– Ты был близок к Владыке? – в равнодушном голосе Лиссы скользнуло нечто похожее на удивление.

– Я был его единокровным братом по отцу. Мой отец правил империей, но слишком рано отправился в чертоги Полночных духов. Мать умерла еще раньше.

– Твое место должно быть рядом с правителем. Но вместо этого ты шлялся по окраине империи. Почему?

– Я изгнанник, Уннар-заш. Если ты немного знакома с нашими именами, то понимаешь, о чем я.

– Полагаю, что ты теперь скорее просто свободный человек, Уннар. До самой смерти ты больше ничего не должен своему Владыке.

Он смутился. Оказывается, Лисса не только превосходно владела наречием Зу-Ханн, составляя новое имя в соответствии с придаваемым ему смыслом, но и была знакома с их традициями.

– Тебе не нравится новое имя? – вкрадчиво поинтересовалась женщина, – ты мой пленник, и, в соответствии с вашими же обычаями, я могу именовать тебя, как вздумается.

Нет, разумеется, стать просто Уннаром было прекрасно. Если перестать быть Уннар-зашем, то, возможно, и духи взглянут на него более благосклонно?

– Мне... надо привыкнуть, – нерешительно пробормотал он. И добавил, еще тише, – спасибо.

– Не за что, – холодно обронила Лисса.

Она поднялась, чтобы взять смешную посудину, которую именовала «чайником», но в этот миг в дверь постучали.

– Иди к себе, – приказала Лисса, – не надо, чтобы тебя вот так видели. Для всех я держу тебя в подвале и периодически пытаю для собственного удовольствия.

Уннар-заш... нет, теперь свободный человек Уннар поспешно встал, задвинул табурет и скользнул к себе. Правда, он не смог побороть искушение, и так и остался стоять за дверью, бессовестно подслушивая.

Незванный гость тяжело прошелся по кухне и опустился на табурет. Раздался холодный голос Лиссы.

– Что привело тебя, Миэлд, в такую рань?

– Нашего взяли примитивы, – отозвался мужчина, – чтоб им сдохнуть. Он двигался по разведывательному маршруту к пятому месторождению. Успел отсигналить о том, что окружен. И все.

– Мы все чем-то рискуем, – заметила Лисса, – но если его местоположение известно, то его можно спасти. Легенды на нашей стороне, не так ли?

– Твоя зверушка еще жива? – вдруг спросил Миэлд, – мы могли бы его обменять...

– Не будь дураком. Неужели ты думаешь, что настоящего визара будут менять на никому не нужного мечника?

– Он еще жив? Ты уверяла, что собственноручно вынешь из него все внутренности и заставишь их сожрать.

– Допустим, жив, – неохотно сказала Лисса, – но это не значит, что я его отдам и лишу себя определенного рода удовольствия.

Воцарилась тишина, а затем Миэлд поинтересовался:

– Какого рода удовольствия ты не хочешь себя лишать, Лисса? Прежде чем идти к тебе, я говорил с другими, и они сказали, что видели сквозь окна твоего примитива. Он жив и здоров, к тому же, свободно разгуливает по дому. Готов поклясться, он сейчас где-нибудь рядом, подслушивает нас... Ты соображаешь, что делаешь, Лисса?

– Вполне, – таким был ответ, – и я его не отдам ни тебе, ни кому бы то ни было. У меня на него свои планы. А что до разведчика – попробуйте спасти его самостоятельно. У вас и без меня немалые ресурсы, которые могут быть задействованы.

– Когда тебя нашли, ты была куда более покладистой.

– За эти годы я сполна расплатилась за оказанную мне помощь, не так ли?

Скрипнул табурет, снова раздался звук шагов.

– Лисса, – негромко произнес Миэлд с непонятной тоской в голосе, – все эти годы я терпеливо ждал тебя, и твоим ответом всегда было «нет». Теперь ты приводишь в дом первого встречного примитива и отказываешься его отдать в обмен на нашего разведчика. Что я должен думать? Ты с ним спишь?

– Спроси у него, – хмыкнула в ответ Лисса.

Уннар отшатнулся от двери, не зная, что делать – то ли лечь в кровать и притвориться умирающим, то ли наоборот – сей же миг отламывать ножку табурета и приложить ею по голове любопытного (но что скажет на это Лисса? А вдруг не одобрит?)

Дверь медленно отворилась, и на пороге застыл высокий светловолосый мужчина с глазами такими же холодными, как и у Лиссы. По телосложению он походил на книжника – худой, чуть сутулый, а черное облегающее одеяние делало его похожим на паука-сенокосца. Он замер, сверля взглядом Уннара, а затем обернулся к Лиссе.

– Что-то он слишком хорошо выглядит для человека, которого подвергали невыносимым мучениям.

– Я не хочу, чтобы он умер у меня на руках, – сухо рассмеялась она, – спрашивай, что хотел и проваливай. У меня и без тебя много дел.

Мужчина вновь уставился на Уннара.

– Пленник и раб не смеет смотреть на хозяев, – хлестко сказал он, – на колени.

– Ответ на свой вопрос ты можешь получить и без условностей, – Лисса появилась в дверном проеме и выглянула из-за плеча Миэлда. Ее лицо было бледным, но спокойным.

– Нет, он не будет говорить со мной как равный, – прошипел мужчина и повторил, – на колени.

Уннар ощутил, как каменеют мускулы. Что-то было не так с этим Миэлдом... И что-то он делал в данный момент, потому что ноги вдруг сами собой начали подгибаться.

– Миэлд, ты в моем доме, – предостерегающе прошелестела Лисса.

– Не вмешивайся, – огрызнулся тот, – я всего лишь хочу...

Уннар скрипнул зубами. Он стремительно утрачивал контроль над собственными ногами, которые, того и гляди, подчинятся магии визара.

– Пленник, ты забыл, что такое боль, – холодно подытожил тот.

В груди начал медленно разрастаться жар. И в этот миг Уннар догадался, что времени у него почти не осталось.

Он и сам не понял, как ему это удалось – резко выдыхая, оттолкнулся от пола непослушными ногами – естественно, они тут же подломились – и, падая, все же достал ненавистное бледное лицо кулаком. Голова визара смешно дернулась, из разбитого и скорее всего сломанного носа брызнула кровь... Уннар успел ухмыльнуться, отметив с удовлетворением, что бедолага уже не пощеголяет безупречным профилем – но тут визар все-таки приложил его. Уже по полной, без шуток и каких-либо скидок.

...– Ты идиот, – первое, что он услышал, придя в себя, – вместо того, чтобы спокойно выполнить требование другого идиота и поскорее отправить его восвояси, ты устраиваешь тут целое представление...

Застонав, Уннар перекатился набок, и его вырвало желчью.

– Дурак, – заключила Лисса, – он мог тебя убить, и правильно бы сделал.

– Что ж не убил? – прохрипел Уннар, – я ни перед кем на колени не вставал. Не раб, и никогда рабом не буду.

– Это точно.

Он наконец смог оглядеться. Миэлд, оказывается, был все еще здесь, сидел, прислонившись спиной к стене и непонимающе моргал, озираясь.

– Вставай, – приказала Лисса, – и иди мойся. Я сама здесь управлюсь, но видеть ему тебя не надо.

– Что с ним? – выдохнул Уннар.

– Микроинсульт, – нехорошо улыбнулась Лисса, – такая неприятность, но что поделаешь. Старые наногенераторы иногда дают сбой.

Почти ничего не поняв из ее речи, Уннар счел благоразумным подчиниться. Поднялся кое-как и побрел набирать воду, успев подумать о том, что надо будет прибраться. Сидя на краю большой медной ванны, Уннар пробовал прислушиваться к тому, что происходило на кухне, но шум воды заглушал голоса. Лисса звала кого-то на помощь, а затем и вовсе куда-то ушла, Уннар слышал, как тяжело хлопнула входная дверь.

Он вздохнул, сбросил одежду и полез в воду, поймав себя на том, что процедура омовения постепенно начинает ему нравиться. Живя в Хеттре, он не ценил эту замечательную возможность – ходить в императорские бани. Попав на пограничную заставу, понял, что о купании можно забыть. Да и кто будет тратить воду на мытье, когда порой лошадей поить нечем? Уннар

невольно потер область солнечного сплетения: проклятый чародей хорошо его приложил, не скупясь на заклятия, и под ложечкой до сих пор тянуло и ныло.

«Не испортил ли он мне чего», – подумал мрачно.

Но, пропади все пропадом, оно того стоило. Кровный брат Императора не потерпит оскорблений, никогда и ни при каких обстоятельствах!

Теплая вода навевала дремоту, и Уннар не стал противиться: закрыл глаза, отдался во власть воспоминаний.

Хеттр. Жемчужина Степи. Столица Зу-Ханн. Богатые дома знати, дорогие вещи, прекрасное оружие и не менее прекрасные женщины. Можно было сколь угодно долго лгать самому себе, что окраина Зу-Ханн не такое уж плохое место – но тоска по прежней, раздольной и роскошной жизни не отпускала.

Сквозь накатившую дремоту Уннар слышал, как хлопнула снова входная дверь – Лисса вернулась. Слышал он, как женщина неторопливо вошла в ванную, но почему-то не было сил даже открыть глаза.

– Уннар, – спокойно позвала она.

Силы куда-то ушли.

– Уннар... Это еще что?!!

Хлесткие, злые удары обрушились на щеки.

– Давай, давай, дыши! Не смей сдыхать! Не теперь!

Кажется, Лисса еще что-то кричала, но он едва слышал ее. Снова перед глазами разворачивались картины далекого и спокойного детства, золотистая листва за окном, шелест крон...

Потом в грудь одна за другой впились пять игл, и что-то изменилось в нем самом: Уннар открыл глаза и уставился на растрепанную и мокрую Лиссу.

– Не шевелись, – приказала она, – Забвение тебя побери, *примитив*. Миэлд оказался не так прост, надо будет это хорошенько запомнить. Как, дышишь? Вот, дыши. Ты мне еще нужен.

Уннар смог улыбнуться. Зачем вот она его оживляет раз за разом, когда все равно потом убьет?

– Я вовремя вернулась, – прошипела Лисса, – еще немного, и нашла бы я твое тело бездыханным. В собственной ванне. Знаешь, без тебя мне жилось как-то спокойнее.

– Так отпусти, – выдал Уннар, удивившись тому, каким слабым оказался его голос.

– Я хочу найти своего ребенка, если ты помнишь, – едко заметила женщина. Она злилась, но при этом была поразительно красива.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – прошептал он, – я недооценил подлость своих людей, Лисса.

– Ты, видимо, благородный дурак, – процедила она, – скажи, что ты сейчас чувствуешь? Дышишь свободно?

Уннар кивнул, и она отняла свою руку от его груди.

– Все, лечение окончено. Вылезай отсюда и одевайся, – сухо приказала Лисса.

Страхивая с кисти воду, она отвернулась и пошла к выходу, слегка пошатываясь. Обернулась в дверях на мгновение.

– Завтра до рассвета нам следует отсюда убраться. Из-за Миэлда у нас больше нет времени.

... Уннар почти не спал. Полночи он приводил в порядок бахтерец, точил ятаган, чистил метательные ножи, перетягивал тетиву. Потом, даже когда лег, сон не шел, он лишь задремывал урывками, и Полночные духи слали ему страшные и неприятные видения, после которых просыпался в холодном поту. Уннару явился отец, и яростно требовал ответа, зачем его сын покорился врагам Зу-Ханн, вместо того чтобы покончить с собой. Являлся и Император, единокровный брат, рожденный от любимой жены, требовал ответа за все содеянное.

«Я еще ничего не сделал, – возразил тогда Уннар, на что получил ответ – сделаешь».

– Я должен помочь найти Ан-далемм, – сказал он и, видимо, сказал вслух, потому что сухой и холодный голос из темноты поинтересовался:

– Как ты ее назвал?

Уннар сел рывком на постели. Она была здесь, женщина из-за Гиблых Радуг, но ее едва можно было разглядеть во мраке.

– Ее зовут Тана, – негромко сказала она, выливаясь из темноты, – Тана Альен. Она принадлежит к кругу архитекторов, и на ее плечах – спокойствие Пангеи...

Тут Лисса хихикнула, как будто вспомнила нечто очень забавное.

– Нам пора.

Уннар молча поднялся и принялся одеваться. Женщина никуда не уходила, стояла неподвижно, обернувшись ночной тенью.

– Какой ближайший город из тех, куда могли ее отвезти?

– Скорее всего, ее повезут в Иллерон, – не раздумывая, ответил Уннар, – богатый город, много купцов, много домов развлечений, много знати. Это на восток отсюда.

– Хорошо, – Лисса кивнула, – как соберешься, выходи.

– У тебя есть лошади? – только и спросил он, – моего коня увели.

Она хмыкнула и ничего не ответила.

...Разумеется, лошадей у Лиссы не было. Зато было нечто, напоминающее туловище коня, где вместо ног – странные, глянцево блестящие черные сферы, а вместо головы – поперечная планка и такая же блестящая полусфера. Не говоря ни слова, Лисса забралась на спину странному созданию, похлопала по его корпусу за собой.

– Воин, тебе нужно особое приглашение?

Уннар осторожно приблизился. Создание с Лиссой на спине не проявляло агрессии к чужаку, стояло неподвижно на своих уродливых шарообразных ногах.

– Давай, чего медлишь? – нетерпеливо подстегнула его Лисса.

И он решился. Стараясь не делать резких движений, перебросил ногу через корпус «коня» и нерешительно опустил руки на талию сидящей впереди женщины. Талия оказалась тонкой, еще чуть-чуть – и его пальцы встретились бы.

«Сколько ей лет-то?» – мелькнула неуместная мысль, – «у нее такая взрослая дочь, которой тоже неведомо сколько лет, но выглядит она совсем юной»...

Что-то заурчало в утробе черного животного, на голове злыми огнями вспыхнули многочисленные... глаза?

И внезапно Уннар ощутил, что корпус неведомой твари приподнялся в воздух, зависнув где-то в локте над землей. Полусфера спереди вытянулась волшебным образом, превращаясь в прозрачный щит.

– Ну, пусть нам помогут все духи этого мира, – расслышал он бормотание Лиссы.

Рывок – и они понеслись сквозь лес, ломая молодую поросль, лавируя меж вековых деревьев. Чувствуя, как все замирает внутри, Уннар невольно сцепил руки замком на поясе Лиссы, ее макушка оказалась точно у его подбородка.

«Я мог бы убить ее», – в очередной раз подумал он, вдыхая аромат ее волос, смешанный с пряным запахом ночного леса.

Глава 5. Тана

«Меня зовут Тана Альен. Тана. Альен».

Она повторяла это раз за разом, спасительный обрывок воспоминаний, путеводная нить к тому, что было раньше, и что должно было удержать на грани и не дать сойти с ума.

Тана чувствовала, как тонет в собственной ненависти. Весь мир вокруг сжался в точку, ледяным шипом пронзая разум. Исчезло... почти все, кроме ненависти – всепоглощающей, разрушительной и... совершенно бесполезной и беспомощной. Она больше не могла улыбаться Дей-шану, и не называла более его «добрым господином». Все, о чем мечтала Тана – это добраться, наконец, до Иллерона и быть проданной. Все равно кому, лишь бы не видеть более ненавистного лица, не ощущать отвратительного запаха давно немытого тела, не чувствовать прикосновений грязных рук.

Все перевернулось с ног на голову несколькими днями раньше. Она пыталась играть, плести невесомую паутину интриги, благо что Риэду бросал на нее взгляды все более пылкие. И вот, наконец, Дей-шан оставил их вдвоем во время привала – тогда Тана подумала, что бывалый воин ошибся, но теперь понимала, что это была всего лишь ловушка. Но ни Риэду, ни ей не закралось и тени сомнений в тот роковой час. Всего-то надо было, что протянуть к молодому мужчине руки и прошептать: увези меня. Куда угодно, только подальше от Дей-шана. Риэду не пришлось просить дважды: он подхватил Тану в седло и дал шпор лошади. Они неслись на юг так долго, как выдержал конь, а потом устроили привал, где ей пришлось вознаградить Риэду известным способом. Потом он оставил ее, отошел поискать что-нибудь для костра. Смеркалось. Тана сидела на теплой земле, прикидывая, каким образом можно заставить Риэду делать то, что нужно, а заодно пытаться сообразить, что же все-таки нужно. Она не сразу поняла, что силуэт, вылившийся из сумерек, не принадлежит молодому разведчику, а когда узнала Дей-шана, лишь замерла и обреченно ждала. Тем вечером Дей-шан ее избил, а Риэду так и не вернулся.

Все последующие дни Дей-шан с ней не церемонился, и держал руки связанными. Тана подбирала с земли объедки, которые он ей бросал, а воду приходилось выпрашивать. В какой-то миг она даже решила, что лучше сдохнуть от голода и жажды, чем продолжать это болезненное и бесконечное унижение, но потом одумалась. На многое можно пойти ради достижения целей: можно отдаваться первому встречному, ибо ее тело в этом странном мире имело высокую цену, можно униженно выклянчивать прогорклую воду, можно облизывать вонючие сапоги Дей-шана, давась рвотой. А целью было – выжить, и не просто выжить, а взобраться на самую вершину пирамиды власти в этой иссушенной солнцем степи.

Поэтому Тана терпела и молчала, молчала и терпела, мечтая о том счастливом мгновении, когда Дей-шан навсегда исчезнет из ее жизни, а если и появится, то исключительно в виде насаженной на пик головы. Но силы таяли, как жир под палящим солнцем, и Тана раз за разом повторяла про себя то имя, которое помнила. Тана Альен. О, когда-то все было по-иному! Не ей приказывали, а она... Тана не могла сказать, кем была, но обрывки воспоминаний весьма прозрачно намекали на высокое положение в общественной иерархии. Теперь она не могла даже справиться нужду в одиночестве. Дей-шан слишком боялся лишиться ценной добычи. А еще ему очень нравился страх. Присосавшись, словно сказочный вампир, он пил страх жертвы, день ото дня наглей и теряя человеческий облик.

И, когда ее силы подошли к концу, на горизонте замаячили стены Иллерона.

Город оказался слеплен из глины в буквальном смысле: Тана окунулась в вязкий, душный лабиринт глинобитных стен. Узкие улочки, водосборные желоба, канавы, слишком мелкие, чтобы вместить все нечистоты этого места. Вонь стояла невыносимая: по степи гуляли

ветра, здесь же люди наконец нашли защиту в широком кольце ненадежных глиняных валов – защиту не от людей, но хотя бы от зверья. И пока Дей-шан невозмутимо направлял коня прямо на снующих мимо прохожих, Тана старалась дышать глубоко и размеренно: от подступающей тошноты сводило челюсти, и больше всего она боялась вывернуть свой скудный завтрак на *доброе* хозяина. Потому что, случись подобное, он снова ее изобьет, а потом возьмет силой. Наверное, прямо посреди этой мерзкой и вонючей улицы, среди нечистот...

Между тем улочки становились шире и чище, кое-где замелькали дома, сложенные из белого камня и крытые плоскими чешуйками из такого же материала. Тана чуть приободрилась и даже принялась с интересом осматриваться, насколько ей это позволяло черное покрывало, наброшенное на голову.

Мужчины, которых она видела, были смуглы, черноволосы и коренасты. Кто в полотняных робах, кто в кожаном доспехе – от которого на самом деле толку мало, особенно если колоть обоюдоострым мечом или острием копья. Женщины мало чем отличались от мужчин, такие же смуглые и коренастые, разве что в плечах уже и ростом ниже. Одежда их не блистала разнообразием: длинные балахоны, то расшитые, то из некрашеного полотна, кто в шароварах и длинных, до колена, туниках. Некоторые покрывали голову цветастыми покрывалами, некоторые красовались сложными прическами из кос, украшенными металлическими пластинами и яркими бусинами. Лица женщин показались Тане грубыми, словно второпях вырубленными из камня: широкие, чуть сплюснутые носы, тяжелые подбородки, скулы, делающие лицо похожим на лунный лик.

«Немудрено, что я здесь ценный товар», – эта мысль отдавала приятной горчинкой. Если уж быть чьей-то собственностью, то лучше дорогой. Рачительный хозяин не будет портить вещь, которая стоила ему много звонких монет. Дей-шану досталась она бесплатно, и потому он не стесняется в методах воспитания...

Они приблизились к большому дому, глинобитному и старательно беленому. У входа переминался с ноги на ногу рыхловатый молодой мужчина с сотней сальных косиц на голове. Ярко-синий, в пол, халат с золотым шитьем и красные сапоги красноречиво говорили о занимаемом этим горожанином положении и о достатке.

Дей-шан спешил и, ведя коня на поводу, пошел напрямик к нему, из чего Тана сделала вывод, что это наверняка местный скупщик рабов.

– Да пребудет с тобой сила Полночных, Сей-шан, – беззаботно сказал воин, – товар принимаешь?

Липкий взгляд работаровца метнулся к Тане, затем, уже неторопливо, вернулся к Дей-шану.

– Больно тощая, отсюда вижу. Не больна ли чем? Мне здесь зараза не нужна.

Дей-шан ухмыльнулся и развязно хлопнул синий халат по плечу.

– Пойдем, посмотришь. Если удачно продашь, твоя десятая часть.

Сей-шан вскинулся, словно почуявшая кость собака.

– Пятая.

– Полночные с тобой, Сей-шан, пусть будет пятая. Но продать надо хорошо.

– Ты, никак, решил службу оставить? – подозрительно прищурился работаровец. И, словно догадавшись о чем-то, добавил, – одну треть.

– Приведи покупателя, – зло процедил Дей-шан, – а там поглядим.

Сказано это было весьма высокомерно, но у Таны сразу шевельнулось подозрение, что Дей-шан и десятой долей не собирался делиться. Впрочем, это уже ее не касалось. Пусть хоть загрызут друг друга.

– Эй, слезай, – приказал Дей-шан, и Тана неуклюже сползла на землю.

– Проходи-ка сюда, милочка, – заворковал торговец, – сперва я посмотрю на тебя, а потом уж решим, кого позвать. Или торги устроим.

Подталкиваемая в спину Дей-шаном, Тана покорно пошла вслед за синим халатом. В отличие от провонявшего конским потом предателя, от работорговца остро пахло травами и специями, и Тана подумала, что наверняка он смазывает себе волосы ароматическими маслами. Неуместные, глупые мысли...

Ее провели по длинному темному коридору, с обеих сторон усаженному низкими и узкими дверцами, в которую едва мог протиснуться широкоплечий степняк, затем работорговец отворил одну из них и, шагнув в сторону, сделал приглашающий жест.

– Иди, – прошипел Дей-шан, – и только посмей мне...

– Она что, непокорна? – мгновенно отозвался Сей-шан, – мне такую не надо. У меня самый лучший товар в Иллероне, почтенные люди заходят...

– Да нет же, нет! – Дей-шан, похоже, начинал раздражаться, – она будет как овечка, ласковая, как котенок и страстная как Полночная Дева.

– А она, гм, дева? – казалось, работорговец от души потешается над вспыльчивым воякой.

– Нет, – только и ответил Дей-шан.

– Сам, небось, проверял?

Дей-шан сделал вид, что не расслышал.

Тана очутилась в довольно светлой и совершенно пустой комнате. Источником света служило небольшое окно, забранное решеткой. Земляной пол был присыпан соломой. Мужчины зашли следом и закрыли дверь.

– Ну-с, Дей-шан... Показывай, что там у тебя сегодня.

– Раздевайся, – приказал тот.

Тана размотала покрывало с головы, бросила на пол. Затем выскользнула из широкого ворота черной рубахи и замерла посреди комнаты, внимательно следя за торговцем. Тот был тертым орешком и ни единым движением не выдал удивления.

– То, что кожа светлая – это хорошо, это большая редкость. Но то, что ты ей наставил синяков, Дей-шан, это плохо. Цену начнут сбивать. А вдруг ты ей что-нибудь повредил?

– Я должен был ее научить покорности, – пробормотал Дей-шан и умолк, наверняка подумав наконец о том, что за товар будут платить по состоянию.

– Девка – не визар ли? – уточнил Сей-шан, – а то потом бед не оберешься.

– Сам ты визар. Не видишь, что ли, что тонкая, из-за Гиблых Радуг?

– Вижу, – протянул задумчиво Сей-шан, – а она, часом, не беременна ли? А то ведь тонкие мрут как мухи в родах.

– Не знаю, – по крайней мере, Дей-шан ответил честно, – Полночные ее там знают... Нам-то что?

– Ну, ладно, – Сей-шан недовольно пожевал губами, кивнул Тане, – а ну, милочка, покрутись, я хочу посмотреть на тебя... Полночные духи, Дей-шан, синяк на синяке!

Он подошел, по-хозяйски пощупал Тане грудь, провел мягкой и потной ладонью по животу, по бедрам, причмокнул.

– Хороша, полночные тебя дери! Конечно, не мешало бы откормить чуток, но и так пойдет. Глаза-то какие, мать моя! А волосы? Жаль, что коротки...

Дей-шан промолчал, и Тана поймала его мрачный взгляд. «Чтоб ты сдох, Дей-шан, в страшных муках».

– Так, – подытожил тем временем Сей-шан, – сейчас я пришлю к ней служанок, чтобы они привели ее в порядок, а сам тем временем схожу к одному уважаемому человеку. Ты где остановился?

– Нигде, – мрачно обронил Дей-шан, – я здесь подожду.

– Здесь нельзя, уважаемый. Не бойся, не убежит.

С этими словами Сей-шан принялся аккуратно подталкивать воина к двери. Тана так и осталась стоять посреди комнаты. Но в тот, последний миг, когда дверь уже почти закрылась, все же не утерпела:

– Дей-шан! Твоя смерть будет ужасна! Запомни!..

И сжалась в комок. Казалось, что сейчас он вернется, и произойдет то, к чему она уже почти привыкла. Но – из коридора донеслась забористая брань, прерываемая визгливым голо-сом Сей-шана, и дверь закрылась окончательно. Тана усмехнулась и стала ждать.

Одиночество ее продлилось недолго. Дверь снова отворилась, на сей раз впуская тро-ицу коренастых и смуглых девиц в туниках из грубого полотна. Две из них втянули в ком-нату закопченный медный чан с водой, третья принесла куски холстины, какие-то горшочки из синего стекла и аккуратно сложенную одежду.

– Купайся, – одна из девушек, видимо, старшая, указала на чан, – Сей-шан приказал тебя помыть и одеть. Скоро покупатель придет.

Тана кивнула и молча уселась в теплую воду. Девушка сноровисто принялась поливать ее из ковша, и от этого незамысловатого удовольствия Тана внезапно расплакалась.

– Поплачь, – услышала она сочувствующий голос, – ничего не поделаешь. Мы принадле-жим Степи, а степь – мужчинам. Ты чужестранка, тебя купят за большие деньги, и твой новый хозяин будет добр к тебе.

– Я хочу, чтобы он сдох, – выдохнула судорожно Тана.

– Тот, кто тебя сюда привез? – в голосе рабыни было понимание, – не переживай, с ним что-нибудь все равно случится. Такие, как он, долго не живут. Ты будешь жить, а он – нет.

Теплая вода лилась и лилась на макушку, смывая грязь, смешиваясь со слезами. Как, ока-зывается, немного нужно для полного, всеобъемлющего счастья! Тана сидела, прикрыв глаза, слушала, как плещется вода, и не было сил даже думать.

Потом ее попросили подняться, намылили все тело и голову, затем смыли пену чистой водой из принесенного ведра.

– Ты очень красива, – заметила девушка, которая говорила с Таной, – Степь никогда не производила на свет таких, как ты. Сей-шан приведет богатого покупателя, будешь с золота есть и на золоте спать.

– Мне хватит простой кровати, – покачала головой Тана.

Ее вытерли кусками холстины, ссадины и синяки смазали едко пахнущей мазью, волосы причесали широким гребнем.

– Теперь надо одеться, – снова скомандовала старшая, и две рабыни принялись наряжать Тану в замысловатые и пестрые одежды, которые не столько скрывали, сколько подчеркивали каждую выпуклость ее тела.

К завершению процедуры вновь пришел Сей-шан, окинул Тану оценивающим взглядом.

– Понимаю Дей-шана, мало кто устоит перед таким соблазном.

– Он и не пытался, – холодно отозвалась Тана, – он убил того, кто меня нашел, чтобы продать самому.

Сей-шан, если и удивился, виду не подал. Передернул слабыми плечами.

– Что ж, милочка, таковы законы Великой Степи. Выживает тот, кто сильнее или хитрее. Была бы ты послушной, не было бы таких синяков.

– Я буду послушной, – заверила его Тана, – продайте меня подороже, и пусть Дей-шан подавится этим золотом.

– Да ты злюка. Может быть, ты и в постели такая же? – Сей-шан усмехнулся, сделал знак девушкам, и те мгновенно исчезли за дверью. Работорговец подошел к Тане так близко, что она ощутила тепло его тела.

– Я уже нашел того, кто тебя купит, – негромко сказал он, – милочка, сделай так, чтобы покупатель остался доволен. Это очень важное лицо в Зу-Ханн, Мер-даланн.

«Приближенный к государю», – поняла Тана и улыбнулась.

– Поверьте, уважаемый Сей-шан, – через силу она даже улыбнулась, – покупатель останется так доволен, что спустя годы будет нахваливать ваш сервис.

– Что?.. – не понял Сей-шан, – чудными словечками ты бросаешься, женщина. Следи за тем, что говоришь, дети Степи этого не любят.

– Дей-шан... еще придет? – внезапно Тану охватил озноб.

– Он больше к тебе не подойдет, милочка, – Сей-шан ловко убрал синюю прядку, упавшую ей на глаза, втянул хищно воздух, словно пытаясь запомнить ее запах. – Полночные с тобой, женщина. После ванны ты пахнешь куда лучше.

И отошел, удовлетворенно потирая руки. Оглянулся на Тану, а затем и вовсе вышел.

Она вновь осталась одна. Нахлынула усталость, копившаяся все эти дни, и Тана, оглядевшись в поисках стула, в итоге уселась прямо на пол, под окном. Она оперлась спиной о теплую стену, откинула голову и закрыла глаза. Тут же накатила дрема, но Тана понимала, что спать нельзя – слишком зыбко ее нынешнее положение, слишком много вокруг недругов. Дей-шан, опять-таки. Тана не верила в то, что он оставит ее в покое в обмен на золото. Власть над существом более слабым пьянит и приносит наслаждение куда большее, нежели любовное соитие, а Дей-шан – в этом Тана не сомневалась – давно успел распробовать, каково это. Зажмурившись, она зябко обхватила себя за плечи; ей мерещилось, что вот-вот откроется дверь, и снова появится *он*. И все повторится сначала – побои, унижение, насилие, снова побои.

«Я схожу с ума, – меланхолично размышляла она, бессмысленно уставясь в серый потолок своей тюрьмы, – насколько меня еще хватит до того, как я смогу перестать быть игрушкой в чужих руках?»

Тане очень хотелось знать, кто она, и зачем здесь оказалась. Медальон с портретом неведомой женщины казался теперь химерой, миражом в пустыне. Наверное, она пришла в эти земли не только ради поиска незнакомки на медальоне. Наверное, была более веская причина, по которой она, Тана Альен, покинула свой безопасный, удобный дом и отправилась в безумное и бесперспективное путешествие. Но какая? Тана рассеянно потеряла тыльную сторону локтевого сгиба, где под кожей засел твердый цилиндр размером с ноготь. Неужели ответ на все вопросы в самом деле хранился там?..

Дверь легко скрипнула, и Тана вжалась спиной в стену. Внутри шмыгнул Сей-шан – даже странно, что к такому крупному мужчине оказалось применимо это слово. Он стрельнул взглядом в Тану, быстро кивнул ей, словно предупреждая, а затем принялся подобострастно кланяться, подметая пол своими напوماженными косицами. Женщину начал бить озноб. Вместо того, чтобы радоваться маячащим изменениям в судьбе, Тана почему-то раз за разом представляла себе Дей-шана. «Что, шлюха, думала сбежать от меня? Да твои куриные мозги не способны ни на что, кроме как ублажать мужчину!». Зябко обхватив себя руками за плечи, она со все нарастающим ужасом наблюдала, как в дверь, чуть пригнувшись, втискивается боком покупатель.

«Дура! Радуйся, тебя покупает высокородный господин!» – но почему-то радоваться не получалось, скорее наоборот. словно все пережитые тяготы собрались в чаше из тонкого стекла, и чаша была переполнена.

– Женщина, поднимись, – приказал Сей-шан.

Она медленно, по стеночке, встала, все еще продолжая ощущать спиной шершавую поверхность глинобитной стены. Не смея поднять взгляд – воистину, Дей-шан умел привить почтение рабыни к господину. Тана из-под полуопущенных ресниц рассматривала вошедшего мужчину.

«Да это же Уннар-заш! – Заполошно мелькнула мысль, – только одетый по-другому, вымытый и причесанный».

Но Тана одернула себя: в этом мире не бывает чудес, и наверняка кости Уннар-заша уже успели обглодать какие-нибудь степные падальщики. Но, тем не менее, покупатель удивительно походил на убитого Дей-шаном воина: все те же приятные, открытые черты смуглого лица, широкие брови, темные блестящие глаза. Длинные волосы шелковой волной падали на широкие плечи, составляя идеальный контраст с кипенно-белым длинным кафтаном.

Покупатель шагнул вперед, сокращая разделяющее их расстояние, и Тана зажмурилась.

«Похоже, Дей-шан и впрямь сделал из тебя послушную овечку», – подумалось ей.

– Мер-даланн, позвольте, я покажу вам ее, – прозвучал совсем рядом заискивающий голос, – она великолепна, она прекраснейшая из женщин, добра, нежна и покорна как голубка.

Сей-шан принялся торопливо дергать шнуровку на лифе ее одеяния, которое и без того мало что скрывало, но то ли пальцы работорговца вспотели, то ли девушки-служанки завязали чересчур добротные узлы, случилась досадная заминка. Демонстрация достоинств товара задерживалась. Тана глянула вскользь на покупателя – тот терпеливо дожидался, положив руки на расшитый золотом и камнями широкий пояс. Лицо его выражало всеобъемлющую скуку.

– Полночные дери эту шнуровку, – хрипло прошептал Сей-шан, выдергивая из ножен кинжал и при его помощи освобождая Тану от жесткого лифа.

– Вы только посмотрите, Мер-даланн, какие груди, не знавшие детей, какой живот, какая спина! А кожа? Чистый мрамор!

– Я вижу синяки, – наконец изволил подать голос Мер-даланн, – что ты пытаешься продать мне, уважаемый? Искалеченную побоями женщину?

– Это же *тонкая* женщина! – фальцетом возразил Сей-шан. Его лоб покрылся испариной, и он торопливо отерся рукавом халата.

Мер-даланн продолжал скучать. Он подошел к Тане, потрогал ее за плечо, как будто оценивая масштаб черного кровоподтека, оставленного сапогом Дей-шана.

– Где ты взял ее, уважаемый? – на сей раз в голосе мелькнула легкая заинтересованность.

– Мне привез ее один воин с пограничья.

– С западного? – красиво очерченные губы мужчины сурово сжались, как будто он вспомнил нечто неприятное.

– Да, оттуда, – не стал лгать Сей-шан, – но я не могу сказать, высокий господин, откуда именно.

– Хорошо, – Мер-даланн помолчал немного, как будто собираясь с мыслями, – я куплю эту женщину. От подобных сделок не отказываются, и ты, наглая гиена, это знал с самого начала. Иди, получишь деньги у моего казначея.

Сей-шан, мгновенно поняв намек, рысью бросился исполнять, оставив Тану наедине с новым хозяином. Вдохнув, она подняла с пола брошенный и безнадежно испорченный лиф и попыталась водрузить его на место.

– Как твое имя, женщина?

– Тана.

– Посмотри на меня.

– Я... не смею, господин, – выпалила она на выдохе.

– Этому тебя научил тот, кто нашел и привез сюда?

Бросив безуспешные попытки привести в порядок платье, Тана отбросила бесполезный кусок ткани в сторону и выпрямилась, сложив на груди руки.

– Тот, кто меня нашел, был убит тем, кто меня сюда привез, – просто сказала она, – и – да. Тот, кто убил, применил все свое умение, чтобы я была покорной и не разочаровала нового хозяина.

Сообразив, наконец, что легкую накидку одеяния можно использовать по назначению, Тана ловко завернулась в нее как гусеница в кокон. Мер-даланн, наблюдавший за ее манипуляциями, выглядел несколько озадаченным.

– Я хочу, чтобы ты снова научилась смотреть в глаза тому, с кем говоришь.

– Я постараюсь угодить вам, добрый господин, – пробормотала Тана.

– Никто больше не причинит тебе вреда, – заверил он ее, – пойдем со мной, я отвезу тебя в свой иллеронский дом, а завтра на рассвете мы отправимся в Хеттр, жемчужину Степи.

Тана молча кивнула. Мужчина подал ей руку и, как только ее пальцы легли на широкую мозолистую ладонь, он резко дернул Тану к себе. Она не сопротивлялась – к чему? – и позволила обнять себя за талию. К слову, очень властное и одновременно нежное объятие получилось.

– Когда-то, очень давно, – проговорил Мер-даланн, щекоча дыханием макушку, – у моего отца была среди наложниц такая, как ты. Женщина из-за Гиблых Радуг. Но она прожила очень недолго и умерла, когда я был еще маленьким мальчиком. Вот за это вас и ценят. Хрупкая и прекрасная бабочка, чей век слишком короток. Платят за возможность обладать самым быстротечным временем...

Тана подняла голову и заглянула в темные глаза хозяина. Там, в тягучей чернильной глубине, она уже видела тлеющие угли, грозящие разгореться в огонь страсти. Да-да, он хотел ее, в этом не возникало сомнений. А вот как все это произойдет... Тут Тана решила, что может взять все в свои руки, а потому сделала то, что сочла единственно верным: приподнялась на цыпочки и, обвив руками шею хозяина, поцеловала его так, делала это всегда.

– Ты... что делаешь? – он с трудом перевел дыхание, отстраняя Тану от себя, – женщина, ты невыносима. Мне уже кажется, что Сей-шан запросил гораздо меньше, чем ты стоишь на самом деле.

И улыбнулся. Почти как Уннар-заш.

Тана все еще смотрела ему прямо глаза, подумав, что они цвета крепкого чая.

И отчего-то на сердце стало легко, так, как уже давно не было...

Дворец, к удивлению Таны, оказался каменным, а стены – оштукатуренными и кое-где расписанными сценами быта благородных сословий Зу-Ханн. По тому, что краски еще не утратили яркость, а кое-где в углах по-прежнему лежали кучи строительного мусора, Тана заключила – дворец был отстроен недавно, скорее всего, по приказу Мер-даланна. Она покорно шла за ним, неслышно ступая по холодным каменным плитам, глядя в широкую спину, обтянутую белоснежным шелком, и – к собственному изумлению – чувствуя, как в ней самой зарождается неопределенное, но вполне теплое чувство к этому человеку. Потом был холл, прислуга, рабы, собственная комната, девушки, прислуживающие во время омовения, душистое розовое масло, которое, не жалеючи, втиралось в ее тело. Ей принесли новую одежду оттенка цветущей гортензии, мягкие бархатные туфли без задников, склянку с ароматной водой, чтобы придавать своему телу нежный и чувственный аромат. После того, как Тана была одета и причесана, девушки удалились, едва слышно перешептываясь. Дверь тяжело стукнула о притолоку, закрываясь. Тана прислушалась, повернется ли ключ в замке – но нет, похоже, никто и не подумал ее запереть. Она устало присела на край огромной кровати под балдахином и стала ждать Мер-даланна. Тане казалось, что он вот-вот появится, чтобы предъявить свои права на собственность – но мужчина все не шел и не шел, и Тана, забравшись с ногами в постель, свернулась калачиком. Каменные стены дышали прохладой, скрадывая зной. Откуда-то издалека доносился шум города. Из-за двери было слышно, как кто-то отчитывает служанку. Воздух был напоен ароматом роз, от которого начинало ломить виски.

«Любопытно, куда подался Дей-шан?» – сонно размышляла Тана. Голова этого человека, насаженная на пику, никуда не делась из ее планов; нужно было только немного выждать, еще чуть-чуть...

Она почти задремала, когда тихо приоткрылась дверь, и в комнату вошел Мер-даланн. Он переоделся, но и в черном кафтане и шароварах выглядел весьма привлекательно. Тана

встрепенулась, соскочила на пол и поспешно поклонилась, помня о том, что здешние мужчины любят покорность и почитание. А если она собралась покорять этот мир, то вести себя надо соответственно... Так, чтобы понравиться. Мужчина улыбнулся уголком губ, оглядел Танау с головы до ног.

– За Гиблыми Радугами все такие, как ты?

Она пожала плечами.

– Мой господин, я почти ничего не помню. Ни кем была, ни где жила. И я...

– Довольно, – Мер-даланн оборвал ее, – мне не нужны твои воспоминания. Подойди, я хочу тебя раздеть.

Дальнейшие действия представляли мало интереса для Таны Альен, но вызвали бурный восторг у ее хозяина. Впрочем, он оказался хорошим любовником, нежным и властным одновременно, и Тана, засыпая, подумала о том, что наконец все начало складываться так, как ей бы того хотелось. Она распласталась на мускулистом теле Мер-даланна, впитывая его тепло и наслаждаясь наступившим наконец покоем, и даже во сне чувствовала, как он лениво перебирает пряди ее волос, изредка прикасаясь губами к макушке.

Проснувшись к вечеру, и Мер-даланн все еще был с ней.

– Скажи, – он выдохнул ей это в шею, – тот, кто нашел тебя... Он получил твою любовь?

Тана не торопилась отвечать, прошлась легкими поцелуями по гладкой смуглой груди мужчины.

– Тот, кто меня нашел, был благородным человеком. Он вез меня в подарок вашему повелителю, я была для него неприкосновенна. А потом... мерзавец и предатель убил его, чтобы продать меня здесь. И потом... – она выразительно глянула на Мер-даланна, – потом все было так плохо, что я думала – лучше умереть.

– Назови мне имена этих людей, – подобно сытому коту, промурлыкал мужчина, – первый будет помянут в Храме Полночных, второй будет казнен, и его голова украсит стену Иллерона.

Тана едва не рассмеялась вслух, но взяла себя в руки и, напустив на себя скорбный вид, прошептала:

– Первый, что погиб, защищая меня – Уннар-заш. Второй – Дей-шан, предатель и убийца.

– Ты сказала – Уннар-заш? – в голосе Мер-даланна появились металлические нотки, – ты не ошиблась, женщина?

– Нет, – она мотнула головой, – сложно забыть имя того, кто был добр и благороден.

Внезапно Мер-даланн мягко отодвинулся, а затем сел в постели.

– Что? – не поняла Тана, – я огорчила тебя, мой повелитель?

– Уннар-заш, – хрипло повторил он, – Полночные духи, да пребудет с ним их милость...

– Ты... знал его, мой господин? – Тана, в надежде успокоить мужчину, нежно поглаживала его плечи.

– Да, – он горько рассмеялся, – я знал его, Тана! Уннар-заш был моим кровным братом. Моим старшим братом. Моим любимым братом, которого терпеть не мог наш нынешний владыка Зу-Ханн!

– Тогда единственное, что тебе следует сделать, мой господин, это найти убийцу, – сладко прошептала Тана, – и пусть Дей-шан умрет страшной, мучительной смертью. Мои страдания – ничто перед твоими, мой господин. Я страдала, но жива, а твой брат – погиб от руки предателя.

Мер-даланн внезапно отстранился, посмотрел на нее с прищуром. А Тана вдруг поняла, что цвет крепкого чая может быть и холодным. Более того, заставляющим кровь мерзнуть в жилах.

– Сладости быстро надоедают, Тана.

Она замерла. Похоже, Мер-даланн оказался тем экземпляром мужчины, с которым придется считаться.

– Я хочу, чтобы того ублюдка, что убил Уннар-заша, казнили, – просто сказала она, опустив глаза.

– Я тоже этого хочу, – он повел плечами, – но есть кое-что, Тана, о чем я намерен тебя предупредить. Я желаю, чтобы, говоря со мной, ты говорила не с хозяином, а с мужчиной, которого уважаешь. А если чего-то захочешь, то просто скажи.

Тана прикусила губу. До боли, до металлического привкуса крови на языке. Подняла взгляд на Мер-даланна. К Забвению все... Пусть он ее накажет, пусть выбросит вон...

– Откуда я могу знать, что мой мужчина достоин уважения?

Ну вот.

Самое ужасное, что она могла сказать – сказано, так глупо, так опрометчиво. Наверное, она все же сошла с ума, пока ехала в Иллерон, раз позволяет себе такое. И теперь... Что он сделает с ней?

– Думаю, что достоин, – на губах Мер-даланна появилась тонкая улыбка, – и, смею надеяться, ты очень быстро это поймешь.

...На этот раз он взял ее довольно грубо, заставив поначалу вскрикнуть от боли, а потом – стонать от удовольствия, сжигавшего ее всю. И когда удовольствие достигло пика, а мир вокруг взорвался, разлетаясь на куски, Тана почувствовала, как сильные горячие руки обнимают ее, крепко прижимая к себе. Закрыв глаза, ощущая, как медленно гаснут волны наслаждения, она откинулась назад, прижалась к сильной груди мужчины. В голове была звенящая пустота.

– Ты меня полюбишь, – прошептал хрипло Мер-даланн, целуя ее в шею, – ты – слишком редкая возможность поймать мгновение.

И в то мгновение она вдруг подумала: да, полюбит. Наверное, как бы дико не звучало это для той, прежней Таны Альен, уже любит...

Было во всем этом что-то неправильное, иррациональное. Ведь... нельзя так? Нельзя полюбить того, кто тебя купил как вещь и попользовался твоим телом? Или все-таки можно?

Тот маленький осколок, что остался от разбитой на тысячу частей и забывшей себя Таны Альен, уже воспрянул, тянулся к Мер-даланну как тянется росток к солнцу, а ребенок – к матери. От Мер-даланна исходило тепло, необъяснимое, небывалое. То тепло, которого Тана никогда не знала в той, прошлой жизни.

Глава 6. Рион

...Полет закончился болезненным падением. Рион охнул невольно, оперся локтями о камень и попытался подняться, но его тут же пинком повалили обратно.

– Лежать, червяк!

Рион прикрыл связанными руками голову – так, на всякий случай – и осторожно огляделся, насколько это позволяла поза.

Он увидел ряд ношенных грязных сапог, а за ними – небо. Похоже, они находились на одном из уступов горного склона. Сапоги окружили его, но близко не лезли, и Рион все-таки поднял голову.

– Лежать! – рывкнули сверху, и сапог преобольно врезался в живот, – ты визар?

– Нет, – быстро прохрипел Рион, понимая, что промедление крайне нежелательно, – я из-за щита. Там, где радуги, – он просто не представлял, как еще объяснить это местным.

– Он врет! Я шел за ним долго, и видел, как этот червяк убил норника! Только визар мог убить норника без оружия!

– У меня было оружие, – возразил Рион, – вы его просто не нашли!

– Только визар мог убить норника, – согласился кто-то сверху, – но, пожалуй, если бы это был визар, то мы бы уже были мертвы. Мертвы еще до того, как притащили его сюда.

– Я не визар, – поспешно повторил Рион, – я вообще не знаю, кто это такие.

– Он выжил после укуса норника, и от раны не осталось и следа, – обличитель настаивал на своем.

«Значит, меня уже осмотрели», – Рион мысленно усмехнулся, – «а я спал в это время».

– Говорят, у визаров вместо глаз – колодцы, полные тьмы, – прозвучало сверху.

– Визары хитры и могут принимать то обличье, которое им удобно!

– Поднимись, – последовал короткий приказ.

Рион, шипя от боли, кое-как встал на ноги и наконец смог оглядеть обладателей сапог.

Их было четверо. Четверо взрослых мужчин, замотанных в тряпье непонятного цвета и шкуры. Рион тут же решил, что двое из тех, что молчали, ему будут неинтересны. Те, кто переговаривались меж собой, наверняка были старшими в этом своеобразном отряде.

– У него обычные глаза, – вдруг сказал тот, кто стоял чуть ближе прочих, – думаю, это не визар. Просто чужестранец. Визар убил бы нас еще там, внизу.

– Даже если и не визар, то все равно чужак. Как мы поведем чужака в шелт? – возразил обладатель черной мохнатой шапки, надвинутой глубоко на лоб.

– Он говорит, что из-за радуг, – заметил первый, – но человек говорит правду только под пытку й.

«Нашел, называется, братьев по разуму», – Рион очень четко осознавал, что пыток ему совершенно не хочется, но пока отмалчивался, слушая.

– Ним, тебе решать, – сказала черная шапка.

– Я говорю вам правду, – старательно глядя в глаза тому, кого назвали Нимом, произнес Рион, – я бежал из-за стены...

– О какой стене ты говоришь, червь? – сердито перебил Ним, – мы не понимаем твои речи.

– О стене из радуг.

– Те, кто приходят оттуда, почти всегда попадают к визарам. Почему же ты здесь?

– Я не знал, кто такие визары, да и сейчас не знаю, – Рион старался, чтобы его голос звучал как можно более убедительно, – мой катер упал в степи, и я подумал, что ближе к горам я смогу найти людей. Я их нашел.

– Это мы тебя нашли, – поправил Черная Шапка, – по-хорошему, тебя следовало бы попытать каленым железом и резать ремни из твоей шкуры, чтобы ты сказал нам всю правду.

– Какой правды вы ждете? Я и без того сказал все, что вам может быть интересно. Если возьмете меня с собой, я наверняка смогу быть вам полезным. Возможно, научу вас чему-нибудь...

– Да чему ты нас можешь научить, червяк? – Ним усмехнулся, – все, что нужно, нам дает Бог Горы. А прочее мы берем сами, у наших добрых соседей.

И они заржали, как будто Ним сказал нечто забавное.

Рион пожал плечами.

– Я многое помню. Возможно, что-то из моих воспоминаний окажется для вас полезным. Воцарилось молчание. Ним, судя по выражению лица, размышлял. Прочие не мешали.

– Мы берем его с собой, – наконец заключил мужчина к великому неудовольствию Меховой Шапки, – решение примут старейшины. В любом случае, бежать ему некуда, а убить его мы успеем всегда.

Рион мысленно утер трудовой пот и постарался придать своему лицу как можно более дружелюбное выражение.

– Меня зовут Рион.

– Нам все равно, как тебя зовут, пока не принято окончательное решение, – устало отозвался Ним, – Райдер, зови драконов. Ты, – он ткнул пальцем в Риона, – полетишь со мной.

Меховая Шапка, который оказался Райдером, подошел к краю площадки, на которой они находились, и, достав что-то из-за пазухи, издал пронзительный свист.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем откуда-то сверху... В первое мгновение Риону показалось, что на них обрушилась каменная лавина и свет померк: огромное, покрытое глянцевой черной броней чудовище тяжело рухнуло на край площадки, вцепилось страшными когтями в ее край, вниз посыпались мелкие камни. Рион понял, что тут его мыслительные способности начинают изрядно буксовать – он встретился взглядом с драконом... И невольно опустил глаза, потому что смотреть в раскаленные уголья мифического и как бы несуществующего монстра оказалось невыносимо.

Между тем Ним спокойно приблизился к усаженной шипами морде, потрепал чудовище по шее, начал что-то говорить в острое ухо. В самом деле, чему их еще можно было учить, этих людей, обуздавших саму легенду?

– Иди сюда, – услышал Рион приказ Нима, – лезь к основанию шеи, я за тобой. И держись за шипы, не то свалишься.

Рион судорожно сглотнул и сделал шаг к дракону. Тот же, как хорошо вышколенная лошадь, внезапно повернулся так, чтобы Риону было удобно занять свое место, даже крыло подставил.

– Давай, не трусь, – подбодрил Ним, – драконы умны, и никогда не причинят вреда своим хозяевам.

Шкура дракона оказалась наощупь такой же твердой и гладкой, как камень. Если бы не шипы у основания шеи, за которые можно было схватиться, Рион непременно бы соскальзывал. Он кое-как уместился на холке дракона, мимолетом подумал, что потеющие ладони – не лучший помощник в подобных мероприятиях. Сзади лихо уселся Ним, сноровисто уперся ногами в основание крыльев.

– Так, погоди-ка, – пробурчал он, – дай привяжу тебя, а то еще свалишься. Лететь недолго, но когда нет привычки, то руки быстро устают.

И он, пропустив подмышками Риона ремень, привязал его к себе, насмешливо добавив:

– Ты уж прости, крошка, ближайшее время мы с тобой будем близки.

И каким-то неведомым образом отдал дракону команду, после чего чудовище легко соскользнуло с уступа и начало падать в пропасть. Рион закрыл глаза и сжал челюсти, чтобы не орать и не смешить сидящего позади Нима.

А сверху, сквозь шум ветра, раздался повторный свист – Райдер звал второго дракона.

Летели в самом деле недолго, но за это «недолго» Рион успел замерзнуть так, что зуб на зуб не попадал, а пальцы, судорожно стиснутые вокруг черного гладкого шипа, уже не разгибались.

Рион сморгнул слезы. Дракон сел на небольшое плато, укрытое от всего мира черными исполинами гор. Плато одной стороной вплотную примыкало к горному склону, и там, навскидку, метрах в десяти, зиял провал – вход в пещеру. Рядом тяжело плюхнулся второй дракон, такой же аспидно-черный, с Райдером на спине.

– Прибыли, – Ним отвязал ремень, и Риону ничего не оставалось, как неловко, на животе сползти с драконовой спины.

А от входа в пещеру к ним уже бежали люди. Мужчины, несколько женщин и даже дети – Рион мимолетом подумал о том, как они здесь вообще выживают – и не только выживают, но и благополучно размножаются. После Пангеи подобные условия трудно было считать пригодными к существованию человека. Но нет же, существовали, да еще и не выглядели умирающими или изможденными. Ним легонько подтолкнул его в спину, намекая на необходимость идти, и Рион побрел вперед, стараясь хотя бы выглядеть уверенно в глазах этих странных людей, которые, в свою очередь, были настроены отнюдь не дружелюбно. Мимо виска просвистел брошенный кем-то из детей камень, Рион успел отшатнуться, Ним гаркнул во всю силу легких – детвора порскнула в разные стороны как мыши при виде кота.

– Они не любят чужаков, – пояснил он, – не принимай на свой счет. Все решат наши старейшины.

– Старейшины? А вы – кто? – наконец спросил Рион.

– А мы – шелт, – довольно добродушно пояснил Ним, – грабители и враги Зу-Ханн. Но если мы не будем время от времени вычищать их амбары, то нам придется плохо.

– Шелт, значит, – пробормотал Рион.

Чужие воспоминания всколыхнулись темной пучиной, и он понял, что «шелт» – производное от одного слова из пра-языков жителей земли. *Shelter значит убежище.*

Он шел вперед, рассматривая лица окруживших его людей. Голубые, синие, зеленые глаза. Рыжие и белокурые волосы у женщин. Мужчины высокие и широкоплечие, все при оружии – примитивном, но все же. Они были одеты в рубахи и штаны, сшитые из шкур куртки, и обувь была преимущественно такой же – кое-как, крупными стежками стянутые козьи шкуры. Ним носил сапоги, но это, видимо, была «трофейная» обувь.

«Любопытно, – подумал он отстраненно, – странно они расселились. А главное – они понимают меня, а я – их. Следовательно, когда-то давно все жили вместе, до того, как стены разделила два мира... Или же все это было спланировано и реализовано целенаправленно. Еще одна цивилизация на периферии Пангеи.»

Они вошли под своды пещеры, и тут Рион даже остановился – дух захватывало от открывшегося зрелища. Многоярусная, поросшая сталактитами и сталагмитами пещера спиралью закручивалась вниз, сходясь к бирюзовому озеру. Но – там не было темно! Вдоль стен, на растянутых проводах, висели самые настоящие фонари – здесь, пропади все пропадом, было электричество!

– Откуда... у вас это? – пораженно прошептал он, указывая на гирлянду огоньков.

– Нам дал это Бог Горы, – ответил Ним.

Становилось все интереснее.

– Что, прям вышел и дал?

– Нет, – Ним пожал плечами, – я не знаю, как обстояло дело, меня на свете тогда не было. Но старейшины говорили, что Бог Горы пришел к первым людям шелта и показал, что и как нужно сделать, чтобы в нашем шелте было светло и хорошо. Некоторые светильники испортились, и там теперь темнота, с факелами ходим.

– То есть, чинить вы это не можете, – уточнил Рион, – Бог Горы вас этому не научил, выходит?

– Выходит, – сухо ответил Ним, который различил в голосе Риона насмешку, – идем.

– А спрашивать у вашего бога не пробовали? – на всякий случай поинтересовался Рион.

– Те, кто спускались к Богу Горы, больше не возвращались. Он всех убил.

– Переменчивая натура у этого вашего бога, – заключил Рион и замолчал.

Они миновали два пролета, спускаясь вниз. Было светло, но теплее от ламп не становилось – хитрый бог не научил людей греться от этого источника энергии.

– Мы пришли, – сообщил Ним, – не забудь поклониться, чужак.

«И не подумаю», – решил Рион, но вслух ничего не сказал.

На секунду он задержался у арки, образованной причудливыми известняковыми наростами. Она как будто отделяла зал, где заседали старейшины, от прочего пространства, и оттуда явственно тянуло запахом съестного. Рион почувствовал легкую резь в желудке – нанопища, конечно, не дала сдохнуть, но запах свежесваренного мяса вызывал вполне человеческое желание съесть что-нибудь более существенное, чем капсула с белковой массой.

– Идем, – строго сказал Ним, подталкивая в плечо.

И они вошли.

В зале старейшин было также светло. Развешанные по стенам гирлянды освещали трех седых старцев, сидящих на волчьих шкурах. Один из них был совершенно слеп и даже не повернулся к вошедшим. Двое других склонились над большим глиняным блюдом, на котором покоился вареный баран.

– Я привел чужака, – сказал Ним. Шикнул на Риона, мол, поклонись, но тот и ухом не повел. Довольно, откланялся уже.

– Чужак из-за стены радуг, – добавил Ним.

Старейшины молчали. Двое разглядывали Риона, третий втягивал носом воздух.

– Я привел его, потому что он может нам оказаться полезным.

– С чего ты взял, что червь с плоской земли нам понадобится? – проскрипел слепец, – наш народ живет здесь долго, и нам всего довольно.

Ним ничего не ответил, переминаясь с ноги на ногу.

– Я могу починить ваше освещение, – вставил слово Рион.

– Ты привел в шелт чужака, – внезапно сказал старик, что сидел ближе всех, – ты не подумал, что он может быть опасен. Может быть, он визар, а?

– Я так не думаю, – тихо и неуверенно ответил Ним.

– Мы уже спрашивали... Райдер не будет лгать. Сказал, что этот человек убил норника голыми руками, – прошелестел слепец, – и сам исцелился от ран. Разве может это сделать кто-нибудь, кроме визара?

– Я из-за стены, – упрямо сказал Рион, – я был вынужден бежать. И я думал, что найду здесь братьев... Братьев, которым смогу дать будущее.

– И какое будущее ты сможешь нам дать, червяк? – третий старик, до этого времени молча обсасывающий баранью голову, наконец поднял глаза.

– Я хочу убрать стену, – Рион взглянул ему прямо в глаза, и понял, что нужно говорить. Что-нибудь, но только говорить, убеждать, не дать им даже усомниться, – там, за стеной, люди живут куда лучше. Я думаю, что смогу привести вас туда. Вы будете жить в тепле и есть досыта. У вас будут хорошие дома и хорошая одежда.

– Смелые слова, – слепец улыбнулся беззубым ртом, – слова, достойные шелтера и воина. Только вот мы не верим тебе. Еще никто не смог пройти сквозь стену радуг, все сгорали.

– Возможно, они не знали, как...

– А ты, значит, знаешь? – старик с бараньей головой покачал головой, – мы не верим тебе, чужак. Единственное, на что ты можешь согдиться, это быть нашим рабом. Нам нужны крепкие руки.

– Я не буду вашим рабом, – поражаясь собственному спокойствию, произнес Рион, – я больше не буду ни вашим, ни чьим-либо еще рабом.

– Значит, ты умрешь, – так же спокойно ответили ему, – Ним, ты сам виноват. Незачем тащить чужеземца в шелт. Шелт – священен.

– Значит, умру, – ухмыльнувшись, подтвердил Рион. И в то мгновение он действительно был готов принять смерть как альтернативу рабству. От рабства он бежал из Пангеи, до этого убив госпожу. Перед глазами снова мелькнуло лицо женщины, превращенное в мешанину из мяса и костей, вымокшие в крови золотистые локоны. И он ни секунды не жалел о содеянном, скорее наоборот – ее вид будил в глубине души мрачное торжество и странное чувство глубокого удовлетворения.

– Мы принесем тебя в жертву Богу Горы, – хихикнул слепец, – наш Бог давно уже не получал от нас пищи и, возможно, поэтому ослаб.

– Естественно. У вас же лишних людей нет, чтобы его кормить, – съязвил Рион.

– Все, идите. Ним, накорми его в последний раз. Наш бог получит пищу и будет к нам милостив.

– Нет! Подождите! – Ним внезапно встрепенулся, – зачем вам это? Этот чужестранец может быть нам полезен, и я... ему верю! Возможно, Бог Горы давно мертв, и поэтому от него давно не было никаких знаков!

Вместо ответа старик, отложивший баранью голову, трижды хлопнул в ладоши, а в следующее мгновение Рион ощутил на шее струну удавки. Краем глаза он заметил, что то же нехитрое приспособление наброшено и на шею Ниму. Широкое лицо Нима перекошилось, налилось кровью, и Рион внезапно понял, что этот парень совсем еще молод, и очень, очень напуган.

– Нельзя перечить старейшинам шелта, – было сказано им, – Бог Горы примет вас двоих. А если он мертв, как ты, Ним, говоришь, то вам тогда вообще нечего опасаться за свои ничемные жизни.

– Отпустите, сам пойду, – прохрипел Рион, – мне бежать некуда.

И – как ни странно – давление на шею чуть ослабло.

Рион повернулся к Ниму – в голубых, налитых кровью глазах наездника драконов метался ужас перед неотвратимым.

Рион подмигнул товарищу по несчастью.

– Я хочу увидеть вашего Бога Горы, Ним. А разве тебе не интересно, посмотреть, кто там?

За спиной поперхнулся и закашлялся кто-то из старейшин, но Рион не обернулся. Он спокойно шагнул под своды нерукотворной арки, и чувствовал при этом себя так, словно за спиной отросли крылья. Он был совершенно уверен в том, что Бог, зажигающий светильники, не так уж и страшен.

– Что я наделал, что я наделал, – беспрестанно бормотал Ним, вцепившись руками в волосы. Он сидел, скрючившись, в углу крошечной камеры, куда их заперли – в результате Риону оставалось только стоять напротив. Со своего места он мог видеть розоватые в свете электрических фонарей ярусы пещеры и всклокоченную золотистую макушку Нима. Под потолком их узилища тоже висел старинный светодиодный светильник, и белый свет стекал по гладкой известняковой стенке.

– Что я наделал, – в отчаянии повторил Ним, затем взглянул на Риона почти с ненавистью, – надо было тебя убить... еще там, в степи, когда ты валялся без сознания.

– Что ж не убил, – равнодушно заметил Рион, – теперь уже поздно.

– Почему ты не согласился стать рабом?

– А почему ты вздумал заступиться за меня? Молчал бы себе, и сидел бы сейчас не здесь... а где-нибудь... там.

– Не знаю, – Ним пожал плечами, – мне показалось, что старейшины неправы.

– Тебе не показалось. Три выживших из ума старика действительно не правы. Не знают, от чего отказывались.

– Толку-то, – буркнул Ним, – теперь нас убьют.

– Не убьют, а отдадут вашему богу горы, – поправил Рион.

Ним поднял на него покрасневшие глаза – парень успел всплакнуть, сидя в своем углу.

– Значит, он нас убьет, – просипел он, – тебе, может, и все равно... А у меня здесь жена... ребенка ждет. Почему ты не согласился?.. Ну почему?

Рион переступил с ноги на ногу, посмотрел в оконце на панораму пещеры.

Спросил тихо:

– Хочешь знать? В самом деле?

Ним кивнул, и его голова поникла, уткнулся лбом в колени.

– Как, по-твоему, я появился на свет? – голос Риона упал до шепота.

– Ну, как... Как все.

– Как все здесь? Нет, увы. Пожалуй, тебе интересно будет услышать, что мне всего-то три года, Ним. Меня сделали таким, каким я есть сейчас, я сошел с конвейера, и целью моего существования было служить людям. Я уже был рабом там, за стеной радуг, как вы ее зовете.

Глаза Нима расширились.

– Врешь! Такого не бывает. Людей не делают так, как ты говоришь.

– Вы сидите тут у себя в горах, грабите соседей, и вам даже в голову не приходит, что можно жить по-другому, – вкрадчиво произнес Рион, – а там, откуда я... родом, все возможно. Возможно умереть и ожить снова в другом теле, возможно продлевать свое существование так долго, пока не надоест. Женщина с телом юной девушки может насчитывать сотни лет жизни. Любой больной орган может быть заменен, а можно просто сделать себе новое тело... И я был сделан там, продан в один дом... Дом архитекторов Пангеи. Но даже для хорошей, в общем-то, хозяйки, я не был человеком. Однажды я спас ее, а она меня в награду избилла и оставила истекать кровью... Именно поэтому я больше никогда – слышишь? – никогда не буду рабом.

Ним молчал, уткнувшись носом в колени. Потом задумчиво пробормотал:

– Да, тебе, может, и все равно. А мне – нет.

– Ничего с тобой не случится. Вернешься ты к своей жене, и будете жить дальше в любви и согласии. – Жестко сказал Рион. А потом по наитию решил добавить маленькую и весьма откровенную подробность своей жизни в Пангее. – Мне, правда, все это неведомо. Пока был рабом, даже не подозревал, для чего предназначены женщины...

– Хм. В гареме владыки Зу-Ханн за женами присматривают евнухи, – доложил Ним.

– Нет, что ты. Никакого членовредительства. Зачем? Просто не записывать эти знания в мозги, и искусственно подавить все соответствующие центры. А если хозяева пожелают, можно просто дописать данные. Ведь производство нового нейра дороже, чем копание в мозгах.

– Как ты мудрено говоришь, – сказал Ним, – я не понимаю.

– И не нужно, – Рион горько усмехнулся, – когда удирали из Пангеи, моя добрая хозяйка... сделала меня-таки нормальным. Просто влезла в голову и исправила то, что было неправильным.

– Так ты можешь завести жену?

– Непременно заведу. Когда выберемся отсюда. А пока можешь рассказать, какие здесь имеются свободные женщины.

И Ним рассмеялся. Смеялся долго, истерично. А потом умолк, откинул голову затылком к камню, и долго смотрел на Риона.

– Спасибо. Развлек напоследок.

– Не за что.

Он прислушался. Хотелось услышать шаги, хотелось, чтобы за ними наконец пришли. Что угодно, лишь бы не сидеть в этом каменном мешке наедине с отчаявшимся Нимом. Воспоминания разбередили душу, и Рион снова увидел себя там, в саду, рядом с прудом. Почему Тана хотела утопиться? Теперь не спросишь. То ли передозировка нейрофрита, то ли не выдержала процедуры оптимизации. Но он тогда вовремя нырнул, вытащил на берег тонкое тело девушки, перекинул через колено, выбивая воду из легких... Какого Забвения?! Зачем ты лезешь, когда не просят? Да кто ты такой, нейр? Я тебя научу, когда стоит приближаться к хозяевам, а когда – нет... Вот что он получил тогда. И, само собой, удары электрической плетью.

«Я ненавижу тебя, Тана Альен, – подумал Рион, – но толку-то? Скорее всего, тебя уже нет».

– Идут, – помертвевшими губами произнес Ним. В белом свете его кожа казалась восковой как у покойника.

– Не бойся, – ответил Рион.

Дощатая дверь отворилась. Наконец-то за ними пришли, и долгое ожидание закончилось.

«Показательная казнь непокорных,» – отметил про себя Рион.

Им с Нимом старательно связали за спиной руки, и теперь вели сквозь бесконечные лабиринты пещеры. То здесь, то там, сквозь природные провалы в стенах на новых жертв богу горы беззастенчиво пялились люди. Сотни глаз, в некоторых читалось откровенное злорадство, в некоторых – нечто отдаленно напоминающее сочувствие. Дети наблюдали с любопытством.

«Ну, ничего, еще посмотрим, кто здесь будет править», – думал про себя Рион. На данный момент ему было откровенно плевать и на зрителей, и на тех, кто отдал приказ устроить столь помпезное зрелище. Он с удивлением копался в собственных ощущениях, пытаясь обнаружить страх – самый обычный, человеческий, от которого все сжимается внутри, а во рту появляется противный кислый привкус. Так вот, страха не было. При этом Рион точно знал, как этот самый страх выглядит и ощущается – но не ощущал. Вон, шагающий позади Ним – тот боялся, и шел, тихо поскуливая от ужаса. Хорошо еще, если не обмочился. А он, Рион, не чувствовал ничего за исключением отстраненного, холодного интереса к происходящему.

Тем временем их вывели на площадку, где собралась толпа. В воздухе разлилось напряжение, густое, вязкое словно мед. Видать, подобные зрелища здесь были редки: люди вытягивали шеи, толкались, чтобы не пропустить представления. Три согбленных и выживших из ума старца тоже присутствовали, даже обрядившись в лохмотья «праздничные».

Рион огляделся, прикидывая, откуда ждать удара: площадка, со всех сторон окруженная пышными порослями сталагмитов, не внушала опасений. Провал? Внезапная пропасть? Подземное озеро? Если последнее, то плохо – дышать под водой Рион не умел, да и вода скорее всего окажется чересчур холодной. Ним за спиной тихо всхлипнул.

Тем временем представление началось. Тот старейшина, что был слепцом, поднял руки – вокруг воцарилась плотная, давящая тишина, лишь где-то на границе слуха тихо шлепались капли воды, выстраивая очередной сталагмит. Как-то запоздало Рион отметил, что среди присутствующих не было ни одной женщины, что, в общем, было и неплохо для жены Нима.

– Братья! – хрипло взвыл старик, взметнулись длинные седые космы, – сегодня настал день, когда Бог Горы получит жертву и будет милостив к нам! Пришлый и предатель – вот лучшая пища для бога! Да примет он жертву, да ниспошлет нам, шелту, свое благословение!

И сделал знак конвою.

Рион почувствовал, как между лопатками кольнуло чем-то острым – либо ножом, либо острием копья. Их с Нимом стали подталкивать с дальней стороне площадки, к монолитной на первый взгляд стене. Скулеж Нима перешел в откровенный вой, и Рион передернул плечами в раздражении.

– Прекрати, – шикнул он Ниму, – не позорься. Ты ж мужчина. Ты смог приручить дракона. Пусть они помнят тебя смелым...

Как ни странно, подействовало: парень затих, только дышал надрывно, со свистом.

– Да примет Бог Горы жертву! – твякнул за спиной кто-то, и слабый голос тут же был подхвачен многоголосым воем. Да примет. Бог. Жертву. Рион улыбнулся и, резко обернувшись, крикнул:

– Я вернусь!

Наконечник копья угрожающе распорол на груди остатки летного костюма.

– Трусы! – вдруг завопил Ним, – дайте оружие!

– Не дадут, – покачал головой Рион, – мы же приговорены...

Толпа голосила. Что-то про жертву, про бога горы, но Рион уже не обращал на них внимания. Со все возрастающим удивлением он увидел, как старейшина нащупал в стене сдвижную панель. Под ней светляком зеленела большая круглая кнопка – старик кулаком ударил по ней, и часть каменной стены медленно, но верно начала сдвигаться, открывая провал в крошечную тьму. Это было плохо, очень, потому что они запросто могли соскользнуть в пропасть – и тогда идея о разговоре с местным божком никогда не воплотится в жизнь. К тому же, руки оставались по-прежнему связанными, оружия не дадут...

«Твари. Трусливые, мерзкие. Когда вернусь, половину перережу, – мелькнула совершенно неуместная мысль, – хотя бы тех, кто явился поглазеть на все это».

Ним всхлипнул.

Рион в последний раз обернулся, посмотрел на трех старцев, сбившихся в кучу и видом своим напоминавших мокрых куриц.

Еще через мгновение их втокнули в провал, и каменная твердь с шипением закрылась. Время остановилось.

– И что... теперь? – прошептал хрипло Ним.

– Не знаю. Судя по всему, нам нужно либо ждать здесь, либо двигаться вперед. Осторожно, чтобы никуда не свалиться.

– Рион, – сказал Ним, – мне кажется, я что-то слышу. Мы не одни здесь.

– Хорошо, – он усмехнулся, – не хотелось бы сдохнуть здесь от жажды и голода.

– Думаешь?

Рион вслушивался в тишину, которая уже не была полной. Где-то рядом как будто раздавался тихий шелест, а может быть, это было просто эхо их дыхания.

И совершенно внезапно что-то холодное резко дернуло за щиколотку, тряхнуло немилосердно, и Рион повис вниз головой. Судя по крикам, с Нимом происходило примерно то же.

«Зараза, – молнией пронеслась полная разочарования мысль, – здесь и говорить не с кем!»

Руки связаны, они болтаются в воздухе – а в следующее мгновение, быть может, неведомому существу придет в голову их сожрать. Или как следует приложить головой о камни. Мало ли нужно человеку, чтобы протянуть ноги?

– Эй! – Рион гаркнул во всю силу легких, – мы пришли с миром! Отпусти! Если это ты дал людям электричество, то, значит, ты разумен!

Тишина. Он висит вниз головой неподвижно. Рядом хрипит от ужаса Ним. А потом вдруг:
– Пороговое значение распознавания преодолено. Принадлежность к кластеру. – Щелчок. Свист. – Требуется классификация.

И Рион заорал, когда в основание шеи впиалась ледяная игла. Пожалуй, вот и все. Из своей, именно своей трехлетней жизни и вспомнить нечего.

Щелчок.

– Образец распознан. Запустить процедуру инициализации системы.

В ушах зашумело, иглу – кто бы там ни был в темноте – вынули, и по шее потекла кровь.

– Отпусти нас! – Рион не сдавался, тем более что все им услышанное давало призрачную, но все же надежду, – отпусти. Нас. Обоих!

Жесткие щупы вцепились в него, переворачивая, а еще спустя несколько секунд Рион ощутил под ногами камень.

– Ним, – позвал он, – ты живой?

– Да, – выдохнула несостоявшаяся жертва, – не понимаю...

– Я тоже не понимаю, – согласился Рион, – но пока что кроме легкого кровопускания ничего плохого не случилось, верно?

Щелчок.

И грот озарился мягким изумрудным светом. Рион увидел, что не меньше половины пространства занимает машина, сложенная из устаревших вычисляющих модулей. Из боковых стенок тянулись к ним металлические щупы – именно на таком только что висели они в воздухе. И лишь потом увидел Рион людские останки под ногами – бог горы не отличался чело-веколюбием.

– Я хочу знать твой идентификатор, – брякнул он первое, что пришло в голову.

– Сигма-ноль-тридцать, – ответила машина.

– Зачем ты здесь?

– Я жду образец, соответствующий заданному.

«А я, значит, и есть тот самый заданный образец?»

– Почему ты убивал другие образцы? – любопытствовал Рион.

– Они не соответствовали. – Последовал исчерпывающий ответ.

– Я хочу освободить руки.

Медленно, раздражающе медленно к нему подплыл стальной щуп, примерился к веревкам, а затем – раз! – и перекусил их стальными пальцами-щипцами.

– И ему тоже, – Рион принялся растирать запястья.

В точности такая же операция была произведена и с Нимом.

– А почему ты не убил... моего спутника?

– Ты приказал отпустить вас обоих, – прозвучал в тишине невозмутимый голос машины.

– А, вот значит как, – пробормотал Рион, – я хочу вернуться назад, к людям.

– Что пожелает образец, – сказала машина, – я предлагаю карты местности и ассистента.

– Изумительно, – Рион потер заросший бородой подбородок, – давай, я жду.

Что-то заскрежетало внутри машины, блестящие хромированные панели сдвинулись в сторону, и из недр ее в пещеру медленно шагнуло существо, появления которого Рион ожидал менее всего.

– Баба! – потрясенно выдохнул Ним.

– Видимо, андроид, – невольно поправил Рион, – человеку здесь взяться неоткуда.

Баба, как изволил выразиться Ним, была совершенно обнаженной (правильно, зачем одежда, когда сидишь в машине?). Ее тело полностью соответствовало стандартам красоты Пангеи – узкие кости, острые локти и колени, худощавое сложение, лицо в форме сердечка – а глаза – непропорционально огромные, прозрачные и колючие, словно битое стекло. Вылитая

Тана Альян, только лысая. Остановившись в шаге от Риона, андроид опустил на одно колено и глубоким шелестящим контральто доложил:

– Андроид. Идентификатор ИРМА 547. Готова к выполнению миссии.

Рион не нашелся, что и ответить. Внезапно его начал душить смех – совершенно неуместный. Выходит, он обрел союзника в лице бога горы. А если бы не пошел к горам? А если бы его не подобрали шелтеры? Слишком много если... Или, быть может, внезапно он бы встретил поддержку в ином месте? У тех же визаров, о которых уже слышал?

– Кто дал тебе эти распоряжения? – спросил он, вытирая выступившие слезы.

– Они записаны в мою память, – просто ответила... Ирма, – первый свет я увидела, уже зная, что буду помогать тому, кого распознает сигма-ноль-тридцать.

– Понятно. У тебя есть оружие?

– Моя цель – ассистировать тебе, образец...

– Зови меня Рион.

– Рион, – бесцветным голосом повторила Ирма, – оружия нет. У меня нет никаких предписаний, связанных с оружием. Но сама я ориентирована на ведение защиты. Я знаю, как воздействовать на живые организмы, чтобы их уничтожить.

– Сколько лет ты здесь? – наконец задал волнующий его вопрос Рион.

– Мои подсистемы инициированы только что. Я не могу ответить на твой вопрос... Рион.

– Ну, хорошо. Поднимись.

Она послушно встала на ноги и замерла, восковая кукла в зеленоватом свечении машины. Ним безмолвно взирал на происходящее, поглядывая то на Риона, то на андроида. Было видно, что в голове шелтера роились вопросы, но он не решался задать их сейчас.

– Где твои комплектующие? – спросил Рион.

– Сейчас я отдам их тебе, Рион, – спокойно ответила Ирма.

Она развернулась и плавной походкой женщины, знающей себе цену, двинулась обратно к сигма-ноль-тридцать. Рион покосился на товарища и, впечатлившись выражением, застывшим на лица Нима, поинтересовался:

– Ирма, у тебя есть одежда?

– Одежда, – послушно повторил андроид, – да, комплектующие содержат набор одежды...

– Ну так оденься, – приказал Рион, – и я хочу ознакомиться с прочими комплектующими.

Пока Ирма возилась с летным костюмом старого образца, Рион крепко взял Нима за локоть, отвел в сторонку, ближе к выходу из грота.

– Да что с тобой такое? – спросил шепотом, – прекрати так на нее пялиться...

– Она... тонкая, – сглотнув, просипел Ним.

– И что? А у тебя, если ты не врал, жена беременна.

Ним, словно очнувшись от тяжкого сна, тряхнул вихрастой головой.

– Ты... это... не понимаешь. Женщины, такие, как она – они очень ценны. Знаешь, сколько могут отвалить за нее в Зу-Ханн? На эти деньги можно стадо баранов купить и дворец впридачу, посреди Хеттра! Тонкая женщина, Рион! Да за такую... – и он судорожно сглотнул.

– И что? Ты и слюни пустил? Прекрати! Она же неживая, Ним!

Парень зло стряхнул с руки пальцы Риона.

– Как это неживая? Она ходит... говорит... Сдается мне, ты ее для себя решил приберечь?

– Не будь идиотом, – огрызнулся Рион, – я боюсь, что эта «тонкая», как ты ее назвал, даже не будет знать, что делать, оказавшись с тобой в постели. Она – неживая. И я бы советовал... верить мне. Хотя бы поначалу.

– Господин, я готова, – проворковала Ирма, неслышно приблизившись. Рион осмотрел ее – в облегающем черном комбинезоне она выглядела куда лучше, чем голая. Ирма протягивала ему хромированный чемоданчик. – Мои комплектующие.

– Хорошо, – Рион принял из рук андроида кейс, быстро раскрыл его и, увидев пульт оператора, приказал, – ложись. Я хочу продиагностировать тебя.

«А заодно показать Ниму, что так глазеть на тебя не надо».

Ирма спокойно легла на спину, вытянув руки вдоль тела, а Рион достал из уютного гнездышка скальпель. Все то, что он сейчас собирался проделать, было чужими, украденными у кого-то воспоминаниями – но Тана Альен отчего-то решила, что подобная информация не повредит бывшему садовнику и по совместительству убийце.

– Ты что... – шикнул рядом Ним, но Рион лишь отмахнулся.

– Сядь и смотри. А главное – помолчи.

Он дернул вниз застежку-молнию комбинезона, расстегнул до пояса, затем уверенно рассек ткани андроида чуть ниже грудины. Ни одна черта Ирмы не дрогнула. И крови тоже не было. Рион отправил скальпель на место, достал пульт оператора и, погрузив пальцы в разрез, нащупал нужный разъем на скелете.

Пульт сразу ожил, маленький экран засветился мягким голубоватым светом, и Рион углубился в исследование начинки андроида, стараясь не слушать тяжелое, напряженное дыхание Нима.

Что тут скажешь? Модель андроида была старовата и, насколько помнил нынешний Рион, снята с производства лет сто назад. Но при этом все системы жизнеобеспечения были в полном порядке, заряда батареи хватило бы еще лет на сто. Пакет знаний, прошитый в нейропамяти андроида, включал основные навыки выживания и умение убивать. Рион поморщился – все это, конечно, будет полезным на первых порах, но когда придет время ломать информационную защиту Пангеи – тут Ирма совсем не помощник. А сам он, к глубокому сожалению, тоже не обладает всеми необходимыми знаниями. Этим могла бы заняться Тана – но ее, увы, больше не было.

– Зараза, – пробормотал Рион, продолжая копаться в срезках памяти вычислительных модулей Ирмы. Ему хотелось – очень хотелось узнать, кто устроил весь этот спектакль – с шелтом, гирляндами фонариков и, собственно, Ирмой, но не нашел ни единой зацепки, кроме странной сигнатуры RDN.

– Ну, хорошо, – заключил он вслух и выдернул шнур из разъема. Пальцами стянул разрез – и ткани слиплись, стянулись, оставив на поверхности тонкий рубец.

– Теперь видишь? – спросил Рион, не оборачиваясь.

Ним промолчал. Потом медленно сказал:

– Откуда ты все это знаешь?

– Дары госпожи, – он пожал плечами, – но того, что было бы действительно нужно, у меня пока нет.

– Что ты будешь дальше делать? – вновь подал голос Ним.

– Я выйду отсюда, перережу ваших старейшин и буду править шелтом, – Рион укладывал пульт в чемоданчик, – а потом я поведу шелт за стену радуг. Но вопрос не в том, что буду делать я, Ним. Вопрос в том, что будешь делать *ты*.

Глава 7. Тана

Она тонула в кошмаре. Снова перед глазами покачивалась бордовая комната, красивая блондинка с разбитым лицом. Она протягивала к Тане тонкие безжизненные руки, словно хотела пожаловаться на несправедливую судьбу, но мертвые губы не шевелились, и кровь уже впиталась в ворс ковра. Тана чувствовала чье-то присутствие за спиной, оборачивалась – но вместо знакомых холодных глаз мудрой змеи встречалась со злобным взглядом Дей-шана. «Ну что, девка, думала от меня избавиться? Не выйдет!» И теперь уже его грязные, измазанные засохшей кровью руки тянулись к горлу, а Тана не то что бежать – не могла шевельнуться, с хрипом втягивая воздух, понимая – что теперь... Все. Все закончится здесь, в комнате с бордовым ковром и убитой блондинкой. «Помогите!» – беззвучно просипела она, с трудом выгаливающая воздух изо рта. «Кому ты нужна?» – с издевкой заметил Дей-шан, стискивая пальцы на ее шее.

...Тана проснулась и несколько мгновений судорожно хватала ртом воздух. Она не сразу поняла, что над головой – балдахин широкой кровати, в окне – предрассветные сумерки, а рядом – ее новый хозяин. В полумраке, пропахшем розовым маслом, поблескивали темные глаза. Он лежал, подперев голову кулаком, и молча смотрел на Тану, отчего она вдруг смутилась и даже струхнула – а вдруг сейчас начнет бить за то, что она кричала во сне и разбудила?

– Прости, мой господин, – торопливо пробормотала она, – всего лишь дурной сон.

– Тебе снился твой прежний хозяин? – негромко спросил Мер-даланн.

Тана кивнула и зябко обхватила себя руками за плечи. В то же мгновение Мер-даланн сгреб ее в охапку и прижал к себе, глядя по затылку, по спине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.